

Я. КАЛЬНИЦКИЙ
В. ЮРЕЗАНСКИЙ

ВОКРУГ СВЕТА

Пр.
К 178.я.в.

В

А

50

Д Н Е Й

ПРОЛЕТАРИЙ

В М. 11
подпись 1935 год

Пр.

К. 178.я.в.

Я. КАЛЬНИЦКИЙ и В. ЮРЕЗАНСКИЙ

К-178

ВОКРУГ СВЕТА В ПЯТЬДЕСЯТ ДНЕЙ

ПОВЕСТЬ

В КНТ
11/09/1935 ГОДА

ЮНОШЕСКИЙ СЕКТОР
ИЗДАТЕЛЬСТВА «ПРОЛЕТАРИЙ»

КАТАЛОГ

107476

89844

Библиографическое описание и шифры для
библиотечных каталогов на эту книгу
помещены в журн. „Літопис Українського
Друку" и „Карточном репертуаре" Украин-
ской Книжной Палаты

19128.

1057-68 L.

Универсальная
ПРОСПЕКТНАЯ
КАРТОЧКА

1928
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕЙ
ДЕТСКАЯ

БИБЛИОТЕКА
Дет. Лит. и Дет. Иллюстрация

ФУНДАМЕНТ. БИБЛИОТЕКА
Дет. отделение
Моск. Гос. Ун-та

Упрлит № 1928.

642541 КХ - ред
Заказ № 483.
Российская государственная
детская библиотека

Тираж 4.000.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

КОМУ ДОСТАЛСЯ ЛОТЕРЕЙНЫЙ БИЛЕТ

На дворе попрыгивал мороз. Пар укрывал зори, а звуки звенели на морозе. В перерыве катали бабу, скользили по льду, швырялись снежками. На уроках вздыхали и тайком поглядывали на окна.

— Жу-жу... Жу-жу...—это учитель рассказывает о реках, что текут в далеких странах и впадают в неведомые моря.

— Жу-жу... Жу-жу...

А в окно просится белая зима, лезут белые солнечные пятна и старается вползти розовый пар.

— Жу-жу... Жу-жу...

— А Васька Колосов накатал здо-о-ро-о-вую гору... Эх, бы... на санках с нее!

— Панкратов!

— Я!

— О какой реке я только-что рассказывал?

— Э... э... о реке... вы рассказывали... о... о... реке... реке...

— Попрошу вас к доске! Укажите истоки Ганга и течение... Притоки знаете какие-нибудь?

Панкратов жметя у доски. Ему стыдно. Он ничего не слышал и ничего не учил.

Учитель некоторое время внимательно смотрит на склоненную голову, потом обращается к классу:

— Ну, ребята, кто хочет выручить Колю?

И из глубины доносится чей-то звонкий, уверенный голос:

— Позвольте мне, Александр Степанович!

— Я так и знал...—говорит Александр Степанович,—кому же еще, как не тебе, Микола? Ну, брат, иди, иди показывай, как течет Ганг, откуда, куда, притоки...

Микола Омельченко у доски. Старательно водит он указкой по большой карте, ровно звучит его уверенный голос. Он называет местности, по каким течет река, указывает, какое значение имеет она для того или иного края. Больше: указывает, в каких местах Ганг судоходен и где непроходим... По мере того, как мальчик углубляется в джунгли, голос его становится глуше, в глазах появляются огни, щеки загораются румянцем...

— Вот, Панкратов,—говорит удовлетворенный учитель,—учитесь. Берите пример. Вы знаете, что Микола сможет свободно ориентироваться в чужом краю.

География была самым любимым предметом Миколы. Когда ему приходилось читать о природе и обычаях в далеких странах, сердце его

начинало колотиться, болеть, и все существо переполнялось какой-то тоской, сладкой и щемящей.

Микола представлял себе эти чудесные страны, невиданных животных, диких и живописных жителей юга, суровых и терпеливых северян... Для него география не была наукой, существующей для того, чтобы отравлять жизнь,—нет, он в этой науке видел средство для общения с далекими, неведомыми людьми: уроки переносили его за десятки тысяч верст. И немудрено поэтому, если Микола знал географию на зубок.

Колька Панкратов, наоборот, совершенно не интересовался географией. Он больше всего любил гимнастику. У него часто бывали деньги. Отец его работал где-то в Сибири и получал большой оклад. Скужающая мать баловала своего единственного сына.

Кольку никто не любил, его брали таким, как он есть, как интересную диковину и редкое явление в школьном обиходе. Но Миколу любили. Микола всегда мог ответить за себя и товарища поддержать. Его уважали даже учителя: он был очень начитан. Товарищи любили слушать его рассказы о жизни индусов, арабов или самоедов. Половина стенной газеты всегда принадлежала перу Миколы.

Отец Миколы погиб на войне, и мать работала изо всех сил, чтоб учить его. И от убогости, от серых дней Микола все больше и больше

стремился к ярким краскам и фантастическим вымыслам.

Когда первый раз записывали на билеты авиалотереи, Микола на вопрос учителя только грустно покачал головой. У него не было полтинника на покупку билета. А Колька Панкратов гордо заявил:

— Пишите мне целый...

И потому, что лотерейный билет был недоступен, Миколу стало казаться, что все дело только в билете. И чем дальше, тем больше росла в нем уверенность, что будь у него билет, он обязательно выиграл бы кругосветное путешествие. Он не просил у матери, не жаловался ей, но готов был на любые жертвы, лишь бы приобрести заветный билет.

Целых две недели Микола отказывал себе в самом необходимом. Он побледнел, осунулся, но вся его экономия дала пять копеек. Больше он собрать не мог.

Прошли новогодние каникулы. Зима все крепчала, и Микола начал основательно чувствовать прорехи в своей одежде. И чем холодней было бежать поутру в школу, чем гуще была дробь зубов, тем больше мечтал Микола об иных странах, об изумрудных степях, о таинственных и тенистых лесах, о вечном рокоте морского прибоя, о шумных и далеких европейских столицах.

Но пятака было недостаточно, чтобы увидеть все это с помощью лотерейного билета.

„Вот если бы еще сорок пять копеек! Только сорок пять! И весь мир открыл бы свои объятия Миколу“...

Дни шли своим чередом. Потянуло уже весенними ветерками, посерел снег, и стало особенно неудобно ходить без галош.

В школе работали напряженной, готовились к проверке знаний.

Колька Панкратов сменил „Эсперо“ на „Премияльные“ и все надеялся выиграть портсигар. Однажды он явился в школу с новейшей сенсацией.

— Прибыл Беня Крик!—громко заявил Колька.

Не все школьники знали эту знаменитость, и поэтому со всех сторон посыпались вопросы:

— Кто? Какой Беня Крик? В чем дело?

— Чудные... Не знают Беню... Ведь Беня, это—король! Беня... Беня...

Колька даже захлебнулся.

Микола следил за газетами и знал, что речь идет о новой кинокартине. Когда он рассказал об этом товарищам, интерес к Кольке сразу пропал, но зато появился интерес к картине. Началась торговля, обмен. Каждый „комбинировал“ мелочь на билет.

Колька Панкратов весь день был задумчив и зол. Он несколько раз выворачивал карманы, и все безнадежней становилось выражение его лица. Наконец, во время последнего перерыва он объявил:

— Продается билет авиалотереи за полцены!

Капиталиста, способного выложить сразу четвертак, в школе не нашлось. Тщетно Колька снизил цену до двадцати копеек. Многие щупали билет, нюхали, гладили... Некоторые предлагали продать билет в кредит, до отцовской получки. Но Колька не мог принять этих условий. Ему деньги нужны были немедленно, чтобы сегодня же купить билет в кино и завтра победоносно рассказать подробности подвигов Бени. Только двадцати копеек не хватило.

Школьный коммерсант и комбинатор Пупырко Гришка неожиданно пришел на помощь Кольке.

— Чудак!—сказал он.—Почему тебе самому не устроить лотереи? Бей лотерею лотереей!

Двоем они составили план, и Гришка выговорил себе двадцать пять процентов с барыша.

Скоро по школе прошла весть, что в пятой группе разыгрывается билет авиалотереи по баснословно дешевой цене: одна копейка за билет. Колька с Гришкой скрыли, что такая дешевка вызвана огромным количеством билетов. Коммерсанты выпустили их двести штук. Первоначальная цель раздобыть только двадцать копеек теперь отступила на задний план, и Колька увлекся предприятием ради наживы.

— Двести билетов... Два рубля... триста процентов барыша!

Услышав о лотерее, Микола поднял голову. Он посмотрел на свой сиротский пятак, взвесил его в руке, пощупал и решил попробовать

счастья в Колькиной подлотерее (так в школе называли предприятие).

Вечером оба предпринимателя наслаждались зрелищем подвигов и приключений Бени Крика.

Но на этом сеанс не кончился,—после Бени показывали быструю видовую картину. Города с большими, уходящими в небо многоэтажными домами сменялись великими пустынями, где только пески и пески. Тундры и сибирская тайга чередовались с плодороднейшими тропическими странами.

Приятели сидели как зачарованные, напрягая свое зрение, чтобы ничего не упустить из виду.

В кармане их осталось еще достаточно на коробку „Премиальных“, на шесть ирисок и на коробку спичек. Это говорило о том, что большая половина лотерейных билетов была продана в первый же день.

В сумме растраченных в тот день Колькой и Гришкой капиталов был и Миколин затертый пятак. Микола пробовал счастья. У него в кошельке лежало пять клочков бумаги — билеты с надписью:

ЛАТАРЕЯ... НА БИЛЕТ АВИАЛАТАРЕИ, МОЖНО ЛЕТАТЬ КРУГОМ
СВЕТА ЛИШЬ БЫ БЫЛО ДВА БИЛЕТА!

№ 174.

РОЗЫГРЫШ В СУББОТУ.

ЦЕНА ОДНА КОПЕЙКА НАЛИЧНЫХ, КРЕДИТ ПОРТИТ
ОТНОШЕНИЯ.

*К. Панкратов и Пупы-
ков Григорий Семенович.*

Микола рассчитал, что если даже выиграет билет подлотереи, то у него остается все же очень мало шансов на кругосветное путешествие, так как на два миллиона билетов авиалотереи только шестнадцать выигрывают кругосветное путешествие.

Когда товарищ Миколы—Вася Голышев—узнал о комбинациях друга, то заорал:

— Эй, хлопцы! Держите его за хвост!.. Держите, чертяку, а то улетит без оглядки!

Ему казалось, что Миколин выигрыш бесспорен.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В ГЛУХОМ СЕЛЕ

В это время за две тысячи верст от Миколы Омельченко, в Пермской губернии, в глухом селе Ярушине, отталкиваясь правой ногой от земли, катился на ледяшке с горки Антошка Жуков, шустрый коренастый парнишка лет четырнадцати. На крутом спуске ледяшка разогналась, как ветер, и чуть не наскочила на кошевку Кузи Толоконцева, выкатившуюся из кривого переулка.

— Куда гонишь? Эй!—крикнул Толоконцев, останавливая от неожиданности лошадь.—Башку расшибешь.

Но Антошка с мгновенной ловкостью свернул в сторону и с разгона врезался по пояс в снег.

— Загруз?—засмеялся Толоконцев и шагом направил гнедого мерина по откосу.—Вот и просидишь тут до вечера. А я, брат, из волости прямо чудеса привез.

— В решете?—насмешкой на насмешку спросил Антошка, ничуть не смущаясь тем, что Толоконцев был секретарем сельсовета и притом старше его лет на десять.

— Что в решете?—не понял Кузя.

— Да чудеса-то.

— В решете, не в решете, а вот тут, в портфеле.

Толоконцев вытащил из сена полотняную сумку и любовно похлопал ее теплой шерстяной рукавицей.

— Вот тут и сидят...

— Обманываешь?

— Зачем обманывать? Приходи в сельсовет, — покажу.

Пока Толоконцев, настегивая вожжами мерина, подымался в верхний конец села, Антошка выпутался из глубокого рыхлого снега, отряхнулся и, стуча ледяшкой по укатанной дороге, бросился догонять кошевку. Но она была уже далеко.

В сельсовете сидело человек пять мужиков. От махорки под потолком стоял крошечный дым. Толоконцев с морозу даже чихнул, точно на занозу носом наткнулся.

— Ну и насолили! — сказал он, отдуваясь от табачной горечи. — Прямо дымовая завеса, как на войне.

— А что делать? Сидим, покуриваем, тебя ждем. Сказывай новости!

— Новостей особенных нет. Лететь народ собирается.

— Лететь?

— Билеты такие вышли. Лотерея будет разыгрываться. Выиграешь счастливый — лети кругом света. Надоело летать — садись в поезд-экспресс,

надоело поездом — вали парходом. Как твоя душа желает!

У Антошки от любопытства загорелись глаза.

— Это как дед Назар прошлый год? — спросил он.

— Нет, брат, почище, — засмеялся Толоконцев.

При упоминании деда Назара мужики засмеялись тоже. Они ясно вспомнили, как в прошлом году первый раз за время существования Ярушина над селом зажужжал аэроплан, как он, подобно большому звенящему жуку, покружился и сел на лугу. Весь народ сбегался тогда к диковинной штуке. А с аэроплана слезли два человека в невиданных очках и предложили, не желает ли кто подняться на воздух. Смельчаков не нашлось. Один только семидесятилетний дед Назар, на удивление селу, вдруг махнул рукой и заявил: „Поднимайте меня, товарищи. Все равно век свой я отжил. Слетаю, аль помру — какая разница. А ежели шмякнемся мы оттедова, по крайности, хоть с музыкой похоронят...“ Назар перекрестился и, неловко ступая оробевшими старческими ногами, уселся в кабину. „Прощайте, православные, может, не вернусь“, — поклонился он народу. „Очень просто“, — жалостно сказал ему кто-то в напутствие: — „Ссадят тебя где-нибудь на облако, поминай тогда как звали. Будешь сверху ногами побалтывать...“ Но когда через двадцать минут, разрезая небо стальным ветром, аэроплан вернулся снова, побывав за это

время в селе Кряжном, которое находилось в восемнадцати верстах от Ярушина, дед Назар категорически заявил: „Нет, братцы, теперь я помирять не согласен. Еще годов сотню прожить хочу!“

Толоконцев с важностью достал из сумки пачку розовых лотерейных билетов. Они были похожи на новые деньги.

— Дешёвка! Полтинник штука,— улыбнулся он, хлопнув ладонью по билетам.

— А как узнать, который счастливый? — спросил Антошка, вспыхнув трепетным волнением.

— Ну, это как жребий падет. Заранее ничего неизвестно. А ты, Антошка, полетел бы?

Антошка покраснел от смущения:

— А чего ж...

— Ну, давай полтинник. Делай почин.

Антошка смутился еще больше.

— Что? Мелких нет?—засмеялся Толоконцев. — Иди, расстарайся где-нибудь. А я для тебя один билет оставлю.

— Нет, я хочу взять самый первый,— вот, что сверху лежит.

— Этот? Пожалуйста. Оставлю первый.

— Ой, прогадаешь, Антошка!— ехидно прищурил левый глаз рыжий мужик Данила. — Бери из середины, верней будет.

— Нет, мне верхний,— уперся Антошка.

— Смотри, не зареви потом.

— Я? Реветь? Пусть сначала рак свистнет.

642541

16

Российская государственная
детская библиотека

Антошка заодно вздернул носом, круто повернулся и выбежал на улицу.

Мысли его были напряжены до чрезвычайности и сосредоточены на одном: где достать нужный полтинник, как завладеть билетом, который может дать совершенно необыкновенное, неслыханное счастье, какого никто не знал на сотни верст в окрестности, — всемирное, кругосветное путешествие?.. Сразу прихлынули все воображаемые картины, о которых рассказывал отец, побывавший и на войне, и в плену у немцев, прошедший потом красноармейцем все фронты — с севера до юга и с запада до востока. Возможность выиграть путешествие казалась настолько соблазнительной и заманчивой, что заслонила собой все. И вдруг горячо ударило в голову, будто кто окно распахнул на вольный летний воздух: „Попрошу у дедушки Назара... У него есть! Копил же когда-то себе на гроб...“

Антошка бегом пустился по улице. Снег хрустел и звенел под его летучими ногами. Ледяшку, чтобы не мешала, он оставил во дворе сельсовета. Мелькали мимо заборы, окна, амбары, ворота. До избы деда Назара оставалось уже дворов десять, как вдали показалась толпа улюлюкающих ребят, гнавшихся за кем-то с гамом, криком, смехом и свистом, подобно стоголосой лавине охотничьих загонщиков. Антошка невольно остановился и скоро рассмотрел, что ребята, его соседи и приятели, дразнили желтолицего, худого

2. Вокруг света

китайца, который во все стороны поводил своими испуганными косыми глазами, как заяц, который мечется в переполохе, не зная, куда спастись от преследования окружившей и наседающей своры борзых. В одной руке у него болтался завязанный в холстину сверток с товарами, другой он ожесточенно отмахивался от орущих и издевающихся преследователей.

— Ребята, что вы! — остановил их Антошка.

— Да ходя больно смешной. Иди, прогонку ему хорошую сделаем! Иди скорей.

— Бросьте!

— Э, размазня! Шпыняй китаезу, шпарь желтогоже снегом! Держи его! А-ля-ля-ля... А! А!

— Да вы, никак, ошалели? — зазвенел Антошка вспыхнувшим голосом. — А если вас так травить? Хорошо будет?

Ребята с недовольным смущением сдержали свой азартный бег. Некоторые стыдливо засторобились глазами.

— А ну его к лешему! — крикнул кто-то не совсем уверенно.

— Эх, что Толоконцев из волости привез! — интригуяще загадал Антошка и, когда его обступили любопытствующим кольцом, начал торопливо рассказывать про билеты.

— Ерунда! — отрезал Егорка, самый заядлый озорник из ярушинских мальчишек. — Никому никакого путешествия не достанется.

— Почему же? — строго осадил его Антошка.

— Для выигрыша талан надо иметь или слово секретное знать.

— Ну, сказанул тоже! Еще, может, к знахарю пойти?

— Может, и к знахарю.

— Ха-ха-ха!..— рассмеялись ребята.— Из каких лесов ты приехал?

— А вот увидите,— уже потеряв задор, хмуро вздернул подбородок Егорка.

— Увидим!— крепко и убежденно ответил Антошка, как борец, надеющийся на свои силы.— Я верю.

Он побежал дальше, а часть ребят шумной гурьбой направилась в сторону сельсовета.

Дед Назар тащил на плечах вязанку соломы с гумна, когда Антошка забежал во двор.

— Дедушка, я к тебе с просьбой...— робко начал он первый в своей жизни ответственный и самостоятельный денежный разговор.— Дай мне займы полтинник.

— Полтинник? Тебе?

Старческие глаза деда Назара даже округлились от неожиданности.

— А ты что за герой, что на мой стариковский полтинник целишься?

Антошка горячо заговорил о лотерее. Дед добродушно прояснился и с живейшим интересом стал слушать о заманчивой новости.

— Где ж я тебе возьму полтинник?—сказал он, наконец.— Они у меня не растут. Огурцы летом

садил — выросли, а полтинников, милок, ни на какой грядке не найдешь.

— Да ведь у тебя на гроб были припасены?

— Тю! Махнул куда... Так ведь то похоронные. Их трогать нельзя.

— Дедушка... — замялся Антошка. — Ты же отказался помирать. Зачем тебе гроб?

— Вот чудак! — усмехнулся Назар. — А если смерть меня не спросит и придет все-таки?

— Я бы к тому времени отработал, — переступил с ноги на ногу Антошка. — Какую хошь работу сделаю.

Дед Назар почесал затылок, посмотрел на Антошку, на его ловкую коренастую фигуру, заглянул с пристальной зоркостью в синие надежные глаза и крикнул:

— Что ж, парень, надо тебя уважить. Авось и ты меня когда-нибудь уважишь...

Через две минуты он хозяйственно вынес из избы полтинник и, как взрослому, вручил Антошке.

Не чувствуя под собою ног, Антошка побежал в сельсовет. Там уже было много народу. Все рассматривали лотерейные билеты, подносили на свет, нюхали пахучую, свежую типографскую краску, но покупать пока никто не решался.

— Ну, давай, — торжественно протянул Антошка полтинник Толоконцеву.

— Вот это я понимаю. Вот это делец! — искренно обрадовался Толоконцев. — На, бери, друг, бери. Счастливо!

— Рисковый парень! — с одобрительным уважением удивились мужики.

А рыжий Данила ехидно скривил губы и, точно занозу всадил, рассмеялся нараспев:

— Плакали твои денежки, голубок!.. Пропал полтинник. Ай-яй-яй...

Но Антошка в ответ только бровями метнул — быстро и уверенно:

— Посмотрим!

Он бережно положил билет в карман и с радостным возбуждением покатился на ледяшке домой, юркими скачками отталкиваясь от плотно застывшей белой дороги, звеневшей, как литой чугун.

Дома, к величайшему своему изумлению, Антошка застал совершенно неожиданную картину. Давешний китаец, весь посветлевший и обмякший, как гость, сидел за столом, а Антошкин отец хлопал его по плечу и восторженно говорил:

— Ли-Чан! Друг!.. Дорогой ты мой товарищ, да неужели это ты?..

Китаец нежнейше сиял своими таинственными косыми глазами и мелко кивал головой:

— Я сам... Я.

— Антошка! — обернулся отец к стукнувшей двери, — смотри, кого я встрел, — друга вернейшего. Мы с ним вместе в Красной армии воевали, вместе голодали, мерзли, хворали, горе и радость одним сердцем принимали...

Ли-Чан взглянул на Антошку и вдруг узнал своего защитника. Лицо его вспыхнуло.

— Хороша тибя син, — сказал он с благодарной теплотой. — Он тожи мой друг.

Антошка не удержался и в знак дружбы сейчас же показал свой выигрышный лотерейный билет.

Китаец сощурился и с улыбкой многозначительно поднял палец, как человек, которому внезапно пришла счастливая мысль.

— Советски билет—вэрна, билет,—сказал он. — Я идем сейчас родина—Шанхай. Дай бумаг, пишу тибэ тыри слова. Если билет возьмешь ехать кругом земля, нипэрименна иди Китай. Придешь Шанхай—большой город,—будешь моя гости. Дом у минэ нетт. Тогда покажи эти тыри слова любой китайска рабочий, и тибэ приведут место, игде скажут, куда живет Ли-Чан.

Китаец на Антошкином клочке бумаги сверху вниз быстро написал какие-то замысловатые закорючки, очень похожие на растопырившихся жучков.

— Держи!

Антошка посмотрел и невольно спросил:

— А что тут написано?

Китаец снова многозначительно поднял палец и тонко, по-заговорщицки, одними черными зрачками улыбнулся. Антошка вдруг все понял, возторженно закивал головою, сорвался с места и побежал прятать китайские слова вместе с билетом в свой заповедный сундучок.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

РОЗЫГРЫШ

Александру Степановичу, учителю географии, пришлось очень туго. Ни звонки, ни крики не помогали. Ребята нервничали, не слушали объяснений, не знали уроков. Кто-то с „камчатки“ крикнул:

— Расскажите лучше про кругосветную лотерею!

Александр Степанович обиделся было, но, сообразив, что это не праздная просьба, принялся рассказывать все, что сам знал.

В классе водворился порядок. Прекратился шопот, смолк смех; до большого перерыва ученики внимательно слушали занятные истории.

Под рокот голоса учителя у Миколы, воображавшего себя выигравшим кругосветное путешествие, захватило дух. Вот-вот... еще немного, и он полетит...

В перерыве выбрали „выигрышную комиссию“. Пупыров Гришка важно восседал в председательском кресле и командовал:

— Тяни, клоп!

Ося — самый маленький ученик в школе — „на общее счастье“ опускал свою пухленькую, в чер-

нильных пятнах, ручонку в грязную Гришкину шапку и тянул свернутые в трубочки билетки.

— Пустой...

— Пустой...

— Пустой...

Колдуй, баба, колдуй, дед, заколдованный билет...

Колдуй, баба, колдуй, дед...

Это „колдовал“ Сенька Шпиль.

Утром, когда мать подняла его с постели, первым делом он спалил гусиное перо и три раза плюнул в колечко из своих пальцев. Перо сгорело без остатка, а слюна не обмочила пальцев, и Сенька был уверен, что билет достанется именно ему. Если он и колдовал теперь, стоя в толпе, так это для аннулирования чужого колдовства, не больше.

Пол у председательского стола уже покрыт клочками изорванных билетов, а Гришка-председатель продолжал спокойно выкрикивать:

— Пустой...

— Пустой...

— Пустой...

Ося давно морщился. У него болели ручонки от непривычной работы. Ребята переминались с ноги на ногу и все так же нетерпеливо ожидали розыгрыша.

В грязной шапке оставалось совсем мало билетов: видно было даже дно ее. И вдруг...

— 174!

— У кого 174?

На секунду в классе воцарилась абсолютная тишина, потом раздался звонкий голос Миколы:

— У меня! У меня! Вот он...

Высоко держа над головой билет, Микола прошел к столу президиума. Гришка сделал величественный жест рукой, означавший: „тише!“, и важно принялся сличать билеты. Затем, посоветовавшись с членами комиссии, он провозгласил:

— Выигрыш выпал на билет № 174. Выиграл правильно товарищ Микола Омельченко!

И шум сразу пошел по комнате, выкатился в коридор, побежал по классам, запорхал от парты к парте:

— Счастливый! Микола выиграл... Омельченко... Он слово, наверное, знает.

Собрались ученики всей школы. Старшие смеялись.

— Ну, брат, за чем дело стало? Лети, коли выиграл... Кланяйся Чемберленовой бабушке! Да скажи Муссолини — пусть поменьше чихает!

Микола был серьезен. Теперь он уже был уверен, что выиграет кругосветное путешествие. Ведь до сих пор у него была только одна сороковая шанса на выигрыш подлотереи и одна пятимиллионная на выигрыш кругосветного путешествия. Теперь же, раз билет подлотереи выигран, его шансы на выигрыш кругосветного путешествия сразу увеличиваются в сорок раз, и, стало быть, он располагает одной ста двадцати-

пятитысячной шанса на выигрыш кругосветного путешествия, как и каждый обладатель билета.

— Как знать! Всякое бывает.

Неудачный „колдун“ — Сенька Шпиль — бранил Кольку Панкратова:

— Мошенник! Мошенник! Обманщик! Ты говорил, что твое средство самое верное... Я и перо палил, и через дырку плевал... Все сделал, даже все время колдовал, когда разыгрывали, ничего не помогло... Обманщик ты, вот что! Деньги выманил...

Смущенный Колька вдруг сообразил:

— А кто тебе велел колдовать, когда розыгрыш был? Я же тебе этого не велел. Ну вот и испортил. Сама себя раба бьет... Пенять не на кого. Надо было слушать.

И он гордо отвернулся от неудачника.

Если бы не звонок, пожалуй, вышла бы драка, потому что Сенька не отставал и продолжал приставать со своими укорами.

В тот вечер Микола просидел до двенадцати часов над стареньким глобусом, обводя его чуть видными линиями в разных направлениях. Во сне он видел себя рассекающим пространство, где-то в беспредельной вышине, на огромном вертящемся и сверкающем аэроплане невиданной конструкции.

А за две тысячи верст от Харькова, в глухом Пермском селе Ярушине, появился свой „авиатор“. Так прозвали односельчане Антошку Жукова.

Антошка давно забросил свою ледяшку, перестал озорничать и налег на учебу. Учитель диву давался: откуда такое? Ведь, казалось, меньше всего парень интересовался географией, а тут, посмотри-ка,—и какая такая Китайская страна, и что за народ китайцы, и кто за китайцами живет, и кто туда дальше, к краю, как говорят, земли, и что над землею, и что под землею...

Старики при встрече с Антошкой обязательно принимали солидный вид, хмурили лица и будто всерьез спрашивали:

— Ну, авиатор, как там у вас на небе? Далеко ли ночью летал?

Чтобы не доставлять пищи для насмешек, Антошка старался отшучиваться в тон:

— Далеко летал, высоко летал, а таких мудрецов не видал.

Кончались такие любезности дружным общим смехом.

Отец старался вернуть Антошку на землю.

— Да пойми ты,—говорил он,—два миллиона их, билетов-то, а выигрывают шашнадцать. Подели и увидишь, на сколько билетов один выигрыш приходится. А ты уже в авиаторы записался и лететь собрался. Ты, брат, особенно не надейся: выйдет — ладно, а не выйдет — и так проживем.

Дед Назар, наоборот, все время поддерживал надежды Антона.

— Эх, молод еще, не знаешь... А какие, брат, чудеса бывают...

После такого вступления всегда начинались рассказы о царевичах, жар-птицах, колдунах, кащях и коврах-самолетах. И хоть не верил Антошка этим бредням, а воображение его распалялось. То воображал он себя героем, спасителем родной деревни от голода, то защитником китайцев от англичан.

С одной стороны, трезвые рассказы отца, с другой — фантастические бредни деда Назара. Мальчик попал в какой-то круг, в котором трудно было отличить реальное от фантастического.

В картотеке издательства „Правда“ появилась новая карточка подписчика Антона Жукова, почт. отд. Солнцево, Пермской губ., с. Ярушино.

Каждый день отправлялся Антон за девять верст в Солнцево. Там, робко потоптавшись с полчаса у окошка и дождавшись очереди, он тихо спрашивал:

— Газетку нельзя, дяденька? От спасибо...

И бережно уносил под полый свою газету.

Дома, вдвоем с отцом, они прочитывали всю газету, от строки до строки. Отец больше всего любил первую страницу и последнюю. Карикатура, передовица, телеграммы о заграничных новостях, „суд“... Антошка, наоборот, любил третью страницу — отдел „На местах“.

— Тятя, — кричал он — на остров Врангеля прибыл пароход. А вот про Карскую экспедицию пишут... Вышла, слава богу, в открытое море...

Но, конечно, основной целью подписки была авиалотерея. Все, что относилось к ней, заучивалось буквально наизусть.

Так провели в мечтах, меж газетой и сказками, долгую крестьянскую зиму. Когда же зазвенели миллионами серебряных колокольчиков мутные ручьи, и на жирной земле появились первые несмелые, свернутые еще, лепесточки, и деревья покрылись бледной, нежной зеленью — крестьяне наладили „ремонт“ и дружно двинули в поле.

На время авиалотерея уступила место пахоте и бороньбе. Потом начали сеять. Дед Назар ходил по полю и давал советы приятелям:

— Как кладешь? Да как кладешь, спрашиваю? Рассевай, подсеивай, чтоб ветерком ее подхватило... Вот так. Понял?

Крестьяне не хотели обижать старика. Принимали его советы, как нечто новое и полезное.

— Пусть потешится старик. Сам не сеет теперь, пусть его командует.

Было это в яркий весенний день. Маленькое далекое серебряное облачко только подчеркивало бесконечную голубую чистоту воздуха. В придорожных тополях пели малиновки. Высоко, с песней, неслись, словно ныряя и плавая, жаворонки. Подсохшая земля вся сплошь была покрыта ярким изумрудным ковром. Густой щеткой зеленели озими, пробивались яровые.

Автошка упруго и легко шагала по дороге в село Солнцево за газетой. Ему казалось, что

все поет вокруг, и песнь эта отзывается в его собственной груди.

Мечты о далеких странах, приключениях и путешествиях теперь, когда покончили с севом, снова овладели мыслями мальчика. Тянуло на простор, за горизонт; на моря, в воздух, к солнцу.

Антон знал, что розыгрыш авиалотереи начался еще на прошлой неделе. Поэтому и несли его так быстро молодые ноги.

Может быть, и таблица напечатана... Может быть, и выиграл. Как знать! И он все прибавлял шагу.

Обратно он уже не шел, а бежал. Кололо в боку, не хватало дыхания. Но ноги упорно несли его вперед. За пазухой Антошка нес драгоценный номер „Правды“. Таблица была помещена на третьей странице.

Чем меньше оставалось идти до Ярушина, тем больше становилась уверенность Антона, что он несет за пазухой свое счастье.

У околицы встретился Кузя Толоконцев.

— Куда так летишь, авиатор? Может, авария стряслась?

Антон только отмахнулся и быстрее помчался к родному дому.

— Тятка,—ворвался он вихрем в избу.—Тятка, гляди, вот она, таблица! Вот, гляди!—И, разложив газету на столе, кинулся в чулан, где стоял его заветный красный сундучок. Дрожащими руками развернул он тряпицу, достал красивый, хрустящий розовый билет и бегом вернулся в комнату.

— Тятка! Тятка! Смотри здесь в таблицу, а я буду в билет смотреть! Погоди, погоди! Ты смотри в билет, а я сам буду в газету...

Антошка нервничал, спешил, дрожал, а отец посмеивался:

— Ну и горячка! Чего спешить? Не горит ведь, поди, твой билет?

Антон быстро пробежал глазами и пальцами по таблице. Лицо его побледнело.

— Что, нету?— спросил отец.

— В газете нету,— замялся Антошка,— а у билете не знаю...

— Эх, шляпа ты, шляпа! Гляди! Вот он номер, а тут, може, он тоже есть. Как есть, значит, и выиграл. Понял?

Просмотрели еще раз таблицу. Еще... Переглянулись. Снова внимательно осмотрели билет, номер, проверили на свет...

Стояли оба — отец и сын — растерянные, недоумевающие...

— Ужель и вправду? Антошка... И взаправду выиграл.

Антон не мог прочесть номер билета. Буквы и знаки прыгали у него перед глазами.

— Може, ошибка? — бормотал он, а в груди, точно молотками, билось что-то и вопило:

— Летим! Летим! Летим!

Затея сына теперь перестала казаться отцу такой безобидной. Билет ему не мешал. Он и сам не прочь был бы полетать по дальним краям,

Но... отпустить четырнадцатилетнего сына в опасное кругосветное путешествие... это в его планы не входило.

Уговоры, просьбы, конечно, не помогли. Антошка упорно стоял на своем.

— Поеду, и все...

Вечером соседи собрались в тесной избе Жуковых. Охали да ахали. Многие все еще не верили, что и впрямь их Ярушину такой почет и счастье выпали. В самой, можно сказать, Москве билет для них вытянули...

Дед Назар хитро улыбался и успокаивал отца:

— Эх, голубок... Вот мне помирать пора, а много я на своем веку хорошего видел? Говори, коли знаешь. Солдат должен все знать!

— Что и говорить! Верно, что в темноте живет наш брат,— уныло тянул отец,— но, и то сказать, перья на ем еще не обросли, а уже туды же, летать...

Визбушке церковного старосты в тот вечер было большое собрание. Лавочник Аристарх Сидорыч, дьякон о. Никанор, псаломщик, староста и старостиха, отставной стражник Адрианов всячески обсуждали событие. На столе стояла четверть водки, лежали в рассоле добрые огурцы, сиротливо жались к селедке крутые яйца.

В четвертый раз псаломщик выходил на улицу.

— Ну, что, летит? Летит?— сыпались вопросы, едва он возвращался. — Ужели на такую отчаянность решится?..

— Кто его знает? Не разберешь... Гуторят, гуторят, а толком не поймешь...

Часов около двенадцати сам стражник Адрианов пошел в разведку.

— Летит!— сказал он, возвратившись, и залпом выпил стакан водки.

Дьякон важно перекрестился:

— Упокой, господи, душу отрока сего!

Утром односельчане провожали Антона в „губернию“.

От имени общества Кузя Толоконцев сказал прочувствованную речь. Она отняла у оратора и слушателей три минуты. Кузя больше топтался и заикался, чем говорил:

— Лети, браток,— сказал он,— и не забывай камуницу партию, которая возносит тебя, как ангела, под облака... и не забывай нас, а на дороге, пока до губернии добьешься, вот возьми — общество миром жалуется...

Кузя протянул Антону клетку, в которой были поросята, гуси и куры.

Рыжий мерин сельсовета с места пошел рысью и скоро скрыл путешественника за поворотом дороги. Долго еще стояли крестьяне, глядели, как садилась пыль, только-что поднятая скрывшейся сельсоветской повозкой.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПУТЕШЕСТВИЕ НАЧИНАЕТСЯ

Приехав на станцию, Антошка соскочил с телеги, отряхнулся и смелыми шагами направился к кассе. Окошко кассы было открыто. Около него нетерпеливо жались в очереди человек шесть пассажиров. Когда они, купив билеты, отошли, Антошка подал кассиру свой счастливый лотерейный билет с развернутой на нем картой всего земного шара и, подавая с видом независимого, вполне самостоятельного человека, сказал:

— Пожалуйста, до Москвы.

— Какого класса?

— Этого... как его... самого дешевого,— замявшись на мгновение, скороговоркой вывернулся Антошка.

— Двенадцать сорок.

— Что двенадцать сорок?

— Рублей, копеек! Не понимаешь?

— Я по выиграшу. Без денег!

— Как это без денег?— с подозрительностью скосил глаза кассир из-под старых, в железных ободках, очков.— За счет царя небесного, или шаха персидского, может быть?..

— Зачем? — удивился неожиданному наскоку Антошка и храбро принялся разъяснять, указывая пальцем на левую сторону билета. — Очень просто. Вот смотрите, тут же написано: „Выигравший путешествие, кроме того, получает железнодорожный билет от места своего жительства до Москвы и обратно“...

Кассир раздраженно дернул билет, поднес его к самому носу, торопливо прочел мелкие строки и шлепнул бумажку обратно на подоконник окошечка:

— А я откуда знаю, что именно ты выиграл?

— Ну как же... — раскрыл Антошка глаза от неосведомленности кассира. — В газетах же пропечатано было: серия 093, № 06224. И вот тут как-раз, точка в точку, и серия и номер, — все совпало.

— Что же, моя голова завозня, или амбар, чтобы в ней газетные известия складывались? Мало ли всякой всячины печатают! Так мне это в мозгах держать, по-твоему? Ничего не знаю, не помню и знать не могу. Давай деньги или проходи — не задерживай очереди. Следующий!

Антошка на минуту опешил, потом подумал, растерянно почесал затылок, несколько раз оглянулся во все стороны, как бы ища помощи и поддержки, наконец, махнул рукой и вышел к отцу на улицу.

— Тут у них порядки, знаешь, каки... совсем слабые! Не дает кассир билета. Выкладывай, грит,

двенадцать рубликов сорок копеечек. Придется, видно, клетку нашу расторгать...

Кур, гусей и поросят успели распродать только к полдню следующего дня. Два поезда на Москву пришлось из-за этого пропустить самым обидным образом.

Из вырученных двенадцати рублей семидесяти копеек двенадцать сорок Антошка заплатил за железнодорожный билет.

— Ой, смотри, не пропади, — забеспокоился отец. — Что у тебя осталось? Тридцать копеек — разве деньги?..

— А на что мне больше? Хлеб есть, мать полную торбу набила, воды попить — бесплатно словчусь. Чего еще? Только бы до Москвы добраться, а там суточные дадут. Читал, в билете сказано?

— А вдруг осечка выйдет, как здесь, с кассиром?

— Вот еще! То здесь, а то Москва. Разница, поди!

— Боюсь я все таки...

— Чего же?

— Да ведь кто знает... Как говорится: „Не сули журавля в небе, дай синицу в руки“.

Антошка похлопал себя по карману, где у него лежал лотерейный билет, и уверенно усмехнулся:

— Ничего! Моя синица крепко сидит. Уже попалась в мои руки. Не выпущу.

И, наклонившись к уху отца, твердо сказал:

— В случае чего, если и в Москве, в Авиахиме, таких пыжей вроде кассира встречу,—я, знаешь, что сделаю? Прямо к Калинин уйду! Ей-богу!

— Ну?— с удивлением и ободрением посмотрел отец.

— А что же? Он в обиду не даст! Мое дело верное — выиграл.

Когда подошел поезд, Антошка, как с верным товарищем, простился с отцом и с некоторой робостью к большой, сложной машине, впервые видимой, которой на несколько дней нужно было вверить свою судьбу, забрался в вагон:

— Счастливо! — едва успел крикнуть отец.

Полетели за окнами поля, дороги, леса, села, города, поплыл мимо, все отставая и отставая, разноцветный ковер жизни, как в панораме, потянулась обширнейшая советская страна.

В Москву Антошка приехал утром на четвертые сутки. Сияло солнце, шум, стук, говор, лязг, звонки,—тысячи звуков оглушали непривычные уши. Город пестрел несчетными фигурами деловито спешащих людей, многоэтажные дома без конца и края высились со всех сторон. Антошка почувствовал себя маленькой песчинкой, попавшей в огромное, бурное, клокочущее море.

„Ну, держись, Антон!“ — мысленно сказал он самому себе. — „Не теряй головы“...

Выйдя с вокзала на площадь, он осмотрелся. Движение людей, извозчиков, автомобилей, телег, трамваев было ошеломляющим.

„Куда итти?“ — бился в мозгу напряженный вопрос. — Сюда повернуть, или туда? — перебегали глаза с одной улицы на другую.

Наконец, Антошка насмелился и спросил у прохожего в старом замасленном пиджаке:

— Дяденька, а где тут Авиахим находится?

Прохожий быстро повернул в его сторону голову и неохотно отмахнулся, как очень занятый человек:

— Не знаю. Мильтона спроси.

Ресницы Антошки часто замигали. „Какого мильтона?“ — не понял он в первую минуту. Но переспросить уже было некогда: спина несловохотливого прохожего мелькала далеко впереди среди идущих в разные стороны фигур, броситься же догонять его не хватило смелости.

Антошка беспомощно огляделся еще раз — и вдруг около трамвайной остановки увидел милиционера в белых нитяных перчатках, в пылающей малиновым цветом фуражке и ярко начищенных франтоватых сапогах. „Наверно у них тут милиционеров так зовут“... — сразу сообразил он и, преодолевая невольную нерешительность, направился к важно поглядывающему блюстителю порядка. Приблизившись на расстояние трех шагов, он почтительно снял свою деревенскую шапку и повторил тот же вопрос, что и прохожему.

— Шапку надень, — улыбнулся милиционер. — И объяснил самым подробным образом, как попасть в Авиахим.

— Садись в трамвай,— доедешь прямо, куда нужно.

— А дорого? — боязливо спросил Антошка, хорошо помня, что капитала у него только тридцать копеек.

— Гривенник.

— Это можно,— обрадовался Антошка и поспешно вспрыгнул на площадку остановившегося трамвая.

Вагон, как быстрая лодка, поплыл по неспокойной сутолоке Москвы.

— Вот тут. Слезай,— крикнул кондуктор на одной из остановок.

С большим волнением, с робостью и неуверенной радостью подошел Антошка к высокому дому, на котором толстыми золотыми буквами было написано „Авиахим“. Сердце стучало часто и громко, как в запертой клетке молоток. Мысли летели вихрем, беспорядочным потоком.

Вот открылась широкая лестница. Пол вокруг нее блестел, как лакированный. Красный суконный половик, точно ковер, застилал ступени. Шаги на этом половике стали неслышными, беззвучными. Прерывисто переводя дыхание, Антошка поднялся в светлый, сверкающий зал, где за дубовыми барьерами сидели десятки что-то пишущих и считающих людей. Предъявил Антошка билет и голосом, которого сам не узнал — до того он был тонок и ломок — сказал:

— Кажись, выиграл?..

Подошли двое очень нарядных служащих. „Наверно, начальники“, — подумал Антошка.

Сверили билет с печатной таблицей выигрышей, справились по каким-то книгам и бланкам. У Антоши даже сердце затрепетало: „А вдруг ошибка? Вдруг скажут — нет?..“

Но вот „начальники“ заулыбались, закивали головами. К ним подошло еще несколько человек служащих. Антошку обступили, окружили.

— Молодец! — поздравляли и осматривали его со всех сторон. — Кругосветное. Ловко! Откуда?

Антошка рассказал, как достался ему билет, рассказал про газету, про кассира, про клетку с курами, гусями и поросятами и, как неоспоримое свидетельство своей настойчивости и смелости, показал на ладошке оставшиеся двадцать копеек.

— В гостиницу его! — распорядился веселый пожилой человек, вышедший из кабинета, обращаясь к почтительно расступившимся перед ним служащим. — Одеть, обмыть, обуть. Там у нас уже есть один мальчик — Микола Омельченко — из Украины приехал, — обратился он к Антошке. — К сожалению, ему не кругосветное досталось, а лишь во Францию и Италию. А то бы пустили вас вместе.

Этот день для Антошки был полон головокружительных впечатлений, каких раньше никогда не приходилось переживать. Его сейчас же повезли в гостиницу, где в номерах, снятых Авиа-

химом, остановились, съехавшиеся со всего Союза удачники, выигравшие то или иное путешествие. По дороге заехали в огромный, блестящий витринными стеклами магазин. Антошка едва успел прочитать богатую, широко размахнувшуюся по всему фасаду надпись: „Москвошвей.“ Сопровождавший Антошку сотрудник Авиахима взял его за руку и быстро повел к высокой зеркальной двери входа. В магазине у Антошки разбежались глаза: он не мог ни на чем сосредоточиться — такое было кругом обилие самых разнообразных одежд и товаров. Сопровождавший сотрудник о чем-то коротко распорядился, и к Антошке с предупредительным вниманием мгновенно наклонился бритый, седоусый приказчик, обмерил его лентой клеенчатого сантиметра, затем со стуком и грохотом снял с полки несколько коробок с бельем и ловкими движениями стал прикладывать белоснежные рубашки к Антошкиным плечам, к шее, к вытянутым рукам. Отложил шесть пар в сторону, галантно изогнулся, склонил на бок голову:

— Еще чего позволите?

Сотрудник опять что-то сказал, и приказчик, как очень аккуратная машина, гибко задвигался в другом направлении. Орудую тонким шестом, похожим на удилице, он поддевал сверху, с густых вешалок, затейливые костюмы и примерял их Антошке. Остановились на двух. Через полчаса с большими, деликатно увязанными пакетами,

в которых было тщательно завернуто белье, костюмы, кепка, пальто и перчатки, Антошка и его спутник тронулись дальше. Но почти сейчас же сделали новую остановку и в одном из соседних магазинов купили франтовские шевровые туфли на пряжках.

— Да как их застегнуть? Пожалуй, не сумею: уж больно хитро запутано,— смутился Антошка.

— Ничего! Научишься,— похлопал его по плечу сотрудник Авиахима.— Кругом света, брат, поедешь. Чтобы лицом в грязь не ударить, надо приодеться как следует.

В гостинице состоялось знакомство с Миколой Омельченко. Но не успел Антошка и двух слов сказать, как его повели на третий этаж, в парикмахерскую. Там плавно легла вокруг шеи белая простыня, застрекотала вкрадчивым мелким голосом машинка, и вихрастые Антошкины волосы полетели, как сдунутый ветром пух с одуванчика. Проступила круглая, ловкая, аккуратная голова. После парикмахерской Антошку заставили купаться в ванне, в целом озере теплой воды, мыли его душистым мылом и белыми мягкими мочалками. Когда через час, обтеревшись толстым махровым полотенцем, Антошка оделся во все новое и глянул в зеркало, он не узнал себя: из огромного ясного стекла на него смотрел нарядный, совершенно незнакомый юноша, у которого только лицо напоминало какого-то близкого человека.

— Ну, теперь будьте как дома,— сказал сотрудник Авиахима и оставил Антошку с Миколой в просторном светлом номере гостиницы.

Несколько мгновений Антошка молча рассматривал Миколу с ног до головы, потом осмелился и спросил:

— Ты что, сроду такой, или тебя только тут франтом сделали?

— Тут.

— Здорово это у них получается...

— Еще бы: Москва!

Микола рассказал, что он приехал еще третьего дня, что в оглушительном шуме города, клоко-чущем с раннего утра до глубокой ночи, никак не может разобраться, что днем его водили по музеям, картинным галереям, а вечером в театр, и что он ждет не дождется, когда все будет готово, чтобы ехать за границу.

— А ты на аэроплане летал?— спросил он вдруг Антошку.

— У нас их нету. Прошлый год показался один, так только деда Назара поднимал:

— Ну, и что?

— Очень интересно вышло. Мужики думали, что деда, шутки ради, где-нибудь на облаках ссадят, чтобы не храбрился на старости лет. Однако, прилетел старик обратно, как ни в чем не бывало.

— Как же мы с тобой? Рискнем?

Антошка нерешительно крикнул и переступил с ноги на ногу.

— Боишься?

— Если бы знать, что он оттудова, с небеси-то не скovyрнется, то чего бояться?..

— А если вверх тормашками? Если камнем на землю — ляп?.. Что тогда от нас останется?

Антошка невольно поежился, мысленно представляя себя падающим с заоблачной высоты.

— Ну как же? Полетим?..— настаивал взволнованно и неуверенно Микола.

— По-моему, так: решились путешествовать, значит трусить нечего. Лисбопытно все-таки сверху на землю посмотреть. Сверху-то, чай, видеть, что она круглая?..

— Скорей бы уж...

Ждать пришлось недолго. Через четыре дня первые две группы путешественников сформировались окончательно. Кругосветное путешествие выиграли трое: Антошка Жуков, бухгалтер клинцовского суконного треста Шварц и комсомолец—шахтер из Горловского рудника в Донбассе по фамилии Нездыймишапка. Маршрут их намечался по городам: Москва—Берлин—Париж—Гавр—Нью-Йорк—Чикаго—Токио—Владивосток—Москва. Во вторую группу попали тоже трое: Микола Омельченко, старик профессор Твердохлебов и веселая хохотушка машинистка Зоя Яхонтова. Их маршрут был значительно короче: Москва — Гамбург — Рим — Париж — Ницца — Венеция — Вена — Прага — Дрезден — Берлин — Москва.

За время совместной жизни в номере Антошка крепко подружился с Миколой.

— Эх, если бы нам вместе досталось ехать,— мечтали они.—Вот было бы хорошо!

— А знаете что,—посоветовал профессор Твердохлебов.—Давайте в Париже встречу устроим. Все равно ни первой, ни второй группе Парижа не миновать.

Эта мысль понравилась путешественникам в высшей степени.

Но в момент отъезда случилось совершенно неожиданное происшествие, едва не спутавшее все планы. Вторая группа села в экстренный поезд на Ленинград, чтобы оттуда на пароходе плыть до Гамбурга. Поезд первой группы, направлявшийся в Берлин через Псков—Варшаву, должен был отойти на полчаса позже. Антошка зашел в вагон к Миколе проститься и по рассеянности не услышал последнего звонка. Он опомнился только тогда, когда поезд плавно тронулся с места. В испуге расталкивая публику, Антошка бросился по коридору к двери.

— Куда ты? Куда?

— Упадешь! Расшибешься!..—закричали на него со всех сторон.

Чьи-то цепкие руки схватили Антошку за плечи в тот момент, когда он готовился спрыгнуть на уплывающий переплет стальных, остро торчащих рельс.

Поезд все ускорял и ускорял ход.

ГЛАВА ПЯТАЯ

БЕЗ РУЛЯ

Стало ясно: произошла нелепая оплошность, уничтожившая в один миг радостное настроение и сотни самых увлекательных надежд и ожиданий, связанных с мыслями о большом, необыкновенно серьезном путешествии. От обиды, огорчения и растерянности Антошка готов был заплакать.

— А билет с тобой? — с бессильным участием спросил Микола.

— Какой? — поднял пылающие глаза Антошка, едва превозмогая силу горечи, готовую хлынуть потоками неудержимых слез.

— Да железнодорожный. До Берлина, или куда там?..

— Все у нашего старшего — у бухгалтера Шварца. И билеты, и документы...

— Тю-тю-тю! Это дело табак...

Антошка, дико озираясь, как попавший в западню, прислонился к вагонной перегородке, стал ниже ростом, сжался и посерел.

— Подождите, не отчаивайтесь, — подошел профессор и положил ему руку на плечо. — Ничего

страшного нет: ведь ваш поезд через полчаса тоже пройдет по этому пути. Сейчас на ближайшей остановке мы дадим телеграмму, а на станции Тверь или еще лучше на станции Бологое, откуда ваш поезд должен повернуть на Псков, вы сойдете и будете ждать своих. А до Бологого, если контроль потребует, мы вам билет купим.

Утешительные слова профессора, действительно, начали подтверждаться. В Твери дежурный по станции нашел вагон с путешественниками и деловым торопливым голосом спросил:

— Антона Жукова тут нет?

— Есть, есть!—всполошился Антошка.—Это я. Я—Жуков.

— Который потерялся?

— Именно, именно! Я потерялся.

— Телеграмма из Москвы: если есть, посадить в Бологом.

— Да я сам сойду. Только бы доехать.

Верст за десять до Бологого Антошка простился с Миколой окончательно и вышел в коридорчик около площадки, чтобы сейчас же соскочить, как только остановится поезд.

В Бологом, оставшись на станции в полном одиночестве, вдали от родного села, оторванным от двух групп людей, с которыми его временно связала случайная судьба, Антошка вдруг почувствовал себя покинутым и затерянным навеки. Те полчаса, которые прошли в ожидании экспресса из

Москвы, показались ему невероятно долгими, мучительными. Но какова же была его радость, когда подкатывающейся быстрой лентой показались длинные международные вагоны, и с площадки одного из них раздался громкий смеющийся крик Нездыймишапки:

— Антошка! Друг! Жив?

Антошка без слов стрелой бросился в вагон — к Нездыймишапке, к Шварцу, как к самым дорогим людям в мире.

— Что, хлебнул страху? — подсмеивался Нездыймишапка. — Будешь помнить теперь, как без ума по чужим вагонам шататься?..

— Плакал? — спросил Шварц.

— Нет. Удержался. Чуть-чуть, однако... — сознался Антошка. — Еще немного — и разревелся бы.

С этого памятного происшествия решили раздать на руки каждому его билеты и документы, чтобы в случае чего не оказаться в таком же беспомощном положении, в каком оказался Антошка. Кроме того, Шварц выдал Нездыймишапке и Антошке по сто рублей, чтобы, на случай беды, у каждого были деньги, при помощи которых можно было бы принять хоть первые необходимые меры в смысле питания, проезда и установления связи со своими.

Но дальнейшее путешествие пошло довольно гладко.

В Варшаве остановились только на один день. При торопливом осмотре города Антошка больше

всего был поражен роскошью дворцов бывших польских королей и магнатов, кричащей пестротой офицерских мундиров, которые попадались в глаза на каждом шагу, и нарядной сытостью публики, заполнявшей центральные улицы.

— Вот так республика! — саркастически кривил губы Нездыймишапка. — Панов-то, панов-то сколько!.. А жирные, черти, как индюки!.. Эх, прямо душу мутит смотреть на это сало. Наверно, мужики у них немножко тощее живут?..

И, действительно, когда проезжали потом по территории Польши, нищий вид сел и деревень колол Антошку, как едкая, беспокойная заноза. Бедность сквозила всюду и после разряженных, беспечных улиц Варшавы казалась особенно неприкрытой и страшной.

Тяжелый гранитный Берлин промелькнул в сознании Антошки, как сложный, непонятный сон. Грандиозные картинные галереи и музеи, полные всевозможных сокровищ искусства и истории, прошли перед глазами сказочной вереницей. Даже тогда, когда Берлин остался уже позади, и стремительный экспресс мчал путешественников через Кельн в Париж, стоило Антошке зажмуриться, как непрерывная лента ярких красочных пятен, точно живой поток, проносилась перед ним.

За окнами экспресса в весенней зелени мелькали десятки городов. Все в них было ново, необычно, интересно: дома, крыши, улицы, подстри-

женные сады, люди в незнакомых одеждах. Картины сменялись одна за другой, как в кинематографе.

На второй день к вечеру в вагоне среди пассажиров начало чувствоваться какое-то невольное возбуждение.

— Ну, товарищи, пора собираться,—озабоченно заметил Шварц:—через полчаса Париж.

— „Париж! В него въедешь — угоришь...“—весело подмигнул Нездыймишапка.—Посмотрим!

И ту же подтянул пояс своей блузы.

Скоро из окна можно было увидеть необъятное синее облако, лежащее на самом горизонте, освещенное красными лучами закатного солнца.

— А по-моему это лес,—не согласился Антошка.

Но проходивший по коридору кондуктор, в ответ на ломаные вопросы Шварца, с улыбкой разъяснил, что громадная полоса на горизонте не облако и не лес, а именно Париж.

У Антошки даже дух захватило от изумления.

— Такой большой?..

— Неужели Париж? — восхищенно прильнул к окну Шварц.

— Париж! Париж!..—неслось по вагону из конца в конец.

Через несколько минут поезд с грохотом летел по затейливым сетям бесчисленных рельсов, наконец, с торжественной мягкостью подошел к вокзалу. И сейчас же на перроне Антошка

услышал океан звуков, восклицаний, криков, разговоров—на непонятном певучем языке. Всюду мелькали улыбки, сияли смеющиеся глаза, блестяли зубы, раздавались поцелуи, приветствия. Стекланные своды огромного вокзала ошеломляли своей волшебной высотой и прозрачностью. Потолки, двери, окна,—все сверкало, все было стекляннм и притом наполненным щедрым оранжевым светом вечернего солнца, как мягким огнём.

Вышли на площадь и сели в автомобиль, чтобы ехать в гостиницу. Десятки улиц снующей путаницей движения полетели навстречу с бешеной быстротой. Многоэтажным зданиям, гороподобным домам не было конца. Вечерний майский воздух бил свежей струей прямо в лицо, поражало бесчисленное обилие бульваров, на которых стройными рядами цвели аллеи каштанов.

— Ну, пермяк, солены уши,—потряс Нездймишапка Антошку за плечо,—хорош городок?

Антошка ничего не ответил. От полноты впечатлений, в знак крайнего восторга, он только покачал головой. Шварц торопливо протирал свои бухгалтерские очки, точно Париж не вмещался в них, не укладывался, не попадал полностью.

— Вот бы где с красными знаменами пройтись! А?..—блестел задорными глазами Нездймишапка.

— Тут? Арестуют!—решительно возразил Антошка.

— Понятно, если мы с тобой вдвоем сунемся...

— И втроем, со Шварцем, арестуют.

— Ха-ха-ха!.. захохотал Нездймишапка.— Да что он, Еруслан Лазаревич, что ли? А вот тысяч пятьсот бы рабочих собрать! Вот тогда бы!..

Утром путешественники направились в советское полпредство. Там им дали прекрасного переводчика, хорошо знающего город, и под его руководством началось знакомство со всеми достопримечательностями Парижа. Глаза не успевали останавливаться на том, что их влекло. Ноги от усталости подкашивались. Дня не хватало. Чем больше смотрели, тем больше хотелось видеть.

Через двое суток, как было условлено, из Гамбурга через Гавр приехала вторая группа: профессор Твердохлебов, Зоя Яхонтова и Микола Омельченко. Взаимных рассказов и горячих, нескончаемых разговоров было множество.

— Знаешь, я в Гамбурге на слоне верхом катался,—похвастался Микола.

— На слоне?..—не поверил Антошка.

— Ей-ей. Спроси профессора.

— А бабушка твоя не каталась? —засмеялся Антошка.

— Думаешь, вру?

— Что же, слоны там в извозчиках служат?

— Ничего подобного: просто есть зоологический сад, а в саду — ручные слоны. Вот я на таком и катался.

— А на аэроплане?

— На аэроплане — нет.

— Когда же полетим?

— Да наши, кажись, не собираются.

— Что-о?..

— Ей-богу! Профессор говорит, у него сердце не подходящее: лопнет. Зоя Яхонтова верещит со страху и уши пальцами зажимает — слушать про аэроплан не хочет...

— У нас тоже слабо — пожаловался Антошка. — Главное дело, — бухгалтер довоенного образца: очкаст больно. Чуть какое движение побойчей, он сейчас же за очки хватается; потеют они у него сильно. От воздуха же, от высоты, совсем, говорит, слепые сделаются. А без очков он никуда — прямо курица.

— Ну, а этот... как его?.. Ну, вот... фамилия еще насчет шапки?

— Нездыймишапка? Этот молодец! Верно! Давайте втроем полетим, хоть для пробы. С Нездыймишапкой не шути: из семи печей хлебы едал паренек.

— Согласится?

— Ого! Куда угодно!.. Он раз признался мне: строят, грит, в Америке снаряд здоровенный, — собираются выстрелить им на луну. Так я, грит, заявление туда заказным письмом послал: желаю-де в том снаряде на луну лететь.

— Да ну?

— Честное слово

— Вот это козырь!

— Отчаянная головушка. Ничего не боится.

— Значит, летим?

— Непременно!

С двух слов уговорили Нездыймишапку и сейчас же, не откладывая задуманного дела ни на минуту, отправились вместе с переводчиком на аэродром. Но было уже поздно: наступал вечер, и все обычные аппараты, обслуживавшие публику, были в разлете.

— Вы вот что, — посоветовал один из летчиков. — Приходите завтра как можно раньше. На рассвете отправляется конкурсная эскадрилья в Нью-Йорк, которая ставит себе задачей перелететь океан сразу, без остановок. А после ее отлета учебные аппараты будут подниматься над Парижем. Тогда вас с удовольствием поднимут.

Волнение охватило ребят. От предстоящего события у Антошки кружилась голова. Микола не находил себе места — поминутно вскакивал, вертелся, бегал. При выходе с аэродрома он купил в киоске компас на ремешке и надел на левую руку, как браслет.

— Зачем это? — спросил Антошка.

— Следить буду во время полета.

— Ты бы лучше часы купил.

— Часы ты купи. Вдвоем легче будет наблюдение вести. Ты время станешь отмечать, а я — направление.

Когда вернулись в гостиницу, Шварц, огорошенный сообщением, со всей бухгалтерской рассудительностью пробовал отговорить:

— Бросьте, хлопцы. Еще разобьетесь, чего доброго! Кто за вас отвечать будет?

— Успокойтесь, пожалуйста. Целы будем! Хотите, кусок облака вам с неба привезем на память?..

— А!—махнул рукой Шварц.— Делайте, что хотите.

На рассвете в парной четырехместной карете Нездймишапка, Антошка, Микола и переводчик выехали на аэродром. От свежего утреннего холода у всех невольно ежились плечи. Рассвет начинался изумительно. На бульварах и в парках среди цветущих, благоухающих деревьев просыпались птицы. Копыта лошадей четко стучали по асфальту. Далеко за Парижем, на самом краю неба, нежными пламенными огнями загоралась заря.

Посреди аэродрома стояли три прекрасных сверкающих биплана—многосильные стальные птицы, готовые к дальнему перелету через Атлантический океан. Бортмеханики в последний раз осматривали и проверяли каждую часть, каждый малейший винтик с такой же тщательностью и пристальностью, с какой часовых дел мастера проверяют часы. Летчики нетерпеливо посматривали на огромные циферблаты ручных браслетов.

Вдруг из ангара вышел встревоженный человек. Он приблизился к бипланам и что-то быстро заговорил. Летчики и бортмеханики с нахмуренными, недовольными лицами выслушали его сообщение и в ответ что-то стали доказывать,

подтверждая свои слова нервной, недоумевающей жестикуляцией.

— Что случилось?— спросил Антошка у переводчика.

— Один из летчиков внезапно заболел какой-то ерундовой болезнью и просит отложить состязание на завтра. А так как он большой любитель военного министра, то вот они и спорят.

Французы посовещались еще несколько минут и в конце концов согласились все-таки полет отложить. Когда они кивнули рабочим, чтобы те вкатили аппараты обратно в ангары, Нездыймишапка тронул за рукав переводчика.

— А, может, который-нибудь нас прокатит с горя? Смотрите, как у них кисло на душе.

Переводчик перевел просьбу.

Два летчика резкими взмахами рук отказались. Но третий, самый молодой, остановился. Он, кажется, больше всех был недоволен задержкой состязания,— оглянулся, быстро осмотрел юных путешественников с ног до головы и неожиданно широким жестом остановил свой аппарат.

— Согласен!— пояснил переводчик.— Он хочет в Гавр слетать. Садитесь в кабину.

— А вы?— спросил Антошка.— Пожалуйста, с нами за компанию. Теперь только семь часов, как-раз к одиннадцати вернетесь...

— Я?..— испугался переводчик.— Я нет... Я домой...— боязливо затряс он головой и отступил в сторону как можно дальше.

Не успели ребята усесться, как заревел пропеллер, и мощный биплан, точно резиновый мяч, неслышно покатился по земле. У Антошки гулко и сладко забилося сердце. Он смотрел на ровное поле аэродрома, как на сцену чудесного театра, на которой он сам выступает действующим лицом,— и вдруг почувствовал, что земля стала куда-то отлетать, удаляться вниз с такой же захватывающей дух стремительностью, как это часто бывает во сне.

И скоро глубоко внизу мглистой массой понесся навстречу город. Сверху он казался невыразимо величественным, как беспредельный муравейник. Аэроплан, делая широкие круги, шел все выше и выше и, наконец, взял курс на запад. Ветер свистел в стальных тросах, крылья гудели от быстрого тока воздуха, пропеллер сердитым жуком сверлил небо. Микола едва успевал взглядывать на свой новенький компас.

Когда позади взошло солнце, и земля озарилась теплым, широким светом, на горизонте показалась необъятная синяя полоса. „Море!“— понял Антошка. Нездыймишапка, указывая в сторону густой сини вытянутой рукой, что-то громко и радостно кричал, но звука его голоса за шумом пропеллера не было слышно. Скоро у самого моря показался город, на рейде можно было различить пароходы.

— „Это, наверно, и есть Гавр“,— решил Антошка.

Летчик, словно играющий коршун, забирал все выше и выше, любуясь своей силой и смелостью.

Вдруг аэроплан попал в огромное облако. Сырая белая мгла закрыла и землю и море непроницаемой завесой. Чтобы вырваться из нее, летчик взял еще выше. Аппарат, как на крутую гору, винтом полез вверх. Но конца облачному туману не было. Вдруг аппарат рвануло. С невероятной силой качнуло на бок. Он мгновенно накренился, но его сейчас же швырнуло на противоположный бок.

Ветер дул резкими рывками, ударами, неистовствовал бешеными вихревыми налетами. Стало ясно, что аэроплан попал в полосу воздушной бури. Это рассердило летчика. Он, как побеждаемый борец, старался не поддаваться, пробовал разные направления, чтобы прорваться в спокойный простор. Однако, все его усилия были напрасны. Аэроплан метался в летучем белесом вихре, как щепка, подхваченная бурей.

Антошку охватил страх. Ни земли, ни неба не было перед глазами, ни спасения, ни помощи, ни надежды уже нельзя было себе представить. Так продолжалось несколько часов. Наконец, когда летчик, выведенный из равновесия и самообладания, крутым поворотом рванул горизонтальный руль,— руль сломался, и гибель стала неизбежной. Изменить направления уже было нельзя,—аппарат несло на юго-запад и только стихия бушующих воздушных течений могла бы кинуть его в какую-нибудь другую сторону.

Внезапно белая мгла начала редеть. Сначала этому никто не хотел верить. Однако, скоро облака отстали,— блеснул ясный солнечный день, и то, что путешественники увидели, было действительно ужасным: внизу во все стороны простирался необозримый океан. Никаких признаков суши ни один глаз, при всем напряжении, не мог уловить.

„Пропали!..“ — похолодел Антошка, предчувствуя скорую смерть.

В распоряжении летчика оставался только руль высоты. И, чтобы не упасть в море, он запасал, захватывал высоту.

К вечеру все испытывали мучительнейший голод. От долгого пребывания в воздухе тошнило. Но самое страшное пришло тогда, когда наступила ночь. Вверху была тьма. Среди нее густо сверкали звезды. Внизу зиял крошечный мрак. Зловещий вой пропеллера рассекал ночную твердь с невыразимой жутью. Казалось, что аэроплан несется в межпланетном пространстве и что каждое мгновение его стережет смерть. Попрежнему он шел на юго-запад, и притом ближе к югу, чем к западу.

Когда забрезжил рассвет, Антошка слабеющим взором увидел, что Нездймишапка и Микола посерели, как мертвецы. Они сидели неподвижно, закованые от холода, от страха, от непереносимого напряжения. Их лица были полны безнадежности и уныния.

1 вдруг Нездыймишапка замахал руками, закричал, задвигался, как ветряная мельница, куда-то дико указывая.

Антошка глянул и понял:

— Земля! Земля!..

Летчик заметно повернул руль высоты на снижение. Через десять минут показался берег, ровная степь, травы. Когда аэроплан опустился, в первое мгновение никто не мог встать, — так ослабели тела. Наконец, летчик как бы очнулся и с трудом поднялся. Он изнеможенно снял свой шлем. Антошка невольно ахнул: молодые вьющиеся волосы француза стали белыми, как у старика.

Антошка остался верен себе и деловито взглянул на часы. Было десять минут десятого, но из-за тумана казалось, что день только начинается.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

НЕОЖИДАННЫЙ СОЮЗНИК

Пока ребята пытались определить местоположение, с севера, от пологих холмов, потянулись тучи, обогнули горизонт и закрыли солнце. Сразу потемнело вокруг; готовился большой дождь. Микола и Антошка спрятали записные книжки, переглянулись и обратились к летчику:

— А как теперь?— спросили они в один голос.

— Теперь?— переспросил летчик,— теперь дело табак. Бензина нет, помощи ждать неоткуда...

Обескураженные путешественники не обратили внимания на то, что летчик разговаривает на чистейшем русском языке.

Неожиданно задрожал воздух и затряслась земля. Грозный раскат грома пронесся над землей. Летчик сделал знак. Друзья кинулись за ним к машине и общими усилиями потащили ее под большую кряжистую пальму. Летчик накрыл мотор брезентом и забрался под крыло. Едва ребята успели последовать его примеру, как громовой раскат повторился, сверкнула ослепительная молния, забарабанили вокруг, прибивая траву и сбивая ветви и листья, крупные, густые дожде-

вые струи. Скоро дождь полил косыми ручьями, словно кто-то открыл миллионы невидимых водонапорных кранов. Вода лилась с шумом, похожим на шипение брошенных в воду раскаленных углей.

Скоро пальма перестала защищать от воды. Ствол превратился в рукав, по которому, ворча, сбегали дождевые потоки. На земле они забирались под плоскости аэроплана и подмачивали ноги путешественников. Поле начало покрываться водой. Трава легла, уступая место разбушевавшимся струям.

Нездыймишапка схватил Миколу за руку:

— Слышь, Микола! Нас тута снести может. Того и гляди, машину подмоет.

— Француз знает,—ответил Микола, поглядывая на летчика.

Тот вдруг засмеялся:

— Ну, какой я, к чорту, француз?

Ребята пооткрывали рты:

— Как, не француз?

— Да очень просто, хоть и числюсь в рядах французского воздушного флота, а француз такой же, как и вы!

— Чего он говорит?—переспросил Нездыймишапка.

— Говорит—не француз,—сказал, не поворачиваясь, Антошка.

— А как же вас понимать?—спросил у летчика Микола.

— Понимать меня Андреем Поликарповичем Сидоренком,— вот как понимать. А у французов я служу по тяжелому случаю.

— Расскажите! Расскажите!

Ребята придвинулись ближе.

А ливень не утихал. Низины уже представляли собой kloкочущие озера. Ноги путешественников были по щиколотку в воде. Но летчик настолько заинтересовал, что, забыв о необычности положения, о воде и ливне, ребята приготовились слушать.

— Так вот,— начал Сидоренко,— было это еще в немецкую войну. Вы ее, должно быть, не помните. Отправили наш корпус во Францию на союзную поддержку. Загнали нас союзники эти на самую тяжелую позицию, где каждый день немцы тяжелыми орудиями громили. Увидели мы, что дело это тяжелое, что зря пропадать приходится, и стали требовать, чтобы нас обратно в Россию отправили. Тогда командование, с французами в компанию, отвело нас в тыл и давай наводить порядок. Меня, как агитатора, загнали вроде каторжника на какой-то Нормандский остров. Это недалеко от Гавра. Там у них аэропланная база была. Ну, стал я аэропланы работать. А я по специальности монтер. Скоро приспособился. В доверие вошел и стали мне давать пробу машин. Начал я понемногу летать. Так прошло до семнадцатого года. Там, как узнал я про нашу свободу... Эх, защемило сердце, тоска,

товарищи, сушить начала. Но что поделаешь! Уж я подумывал машину приспособить и... драла. Да, черти, следили очень. Бензину больше как на пятьдесят километров не отпускали, проклятые. Ну, куды полетишь? Кругом ихние миноносцы, аэропланы сторожевые... Я туда, я сюда... Ничего не напишешь. С острова далеко не уйдешь. Тут, однажды, приехал к нам новый летчик. Только-что школу кончил. Приказано было ему, значит, выдать машину, и прямо с базы имел он лететь куда-то с серьезным поручением. Машину ему приспособили,—ничего машина была — Фарман 600 сил. Только не хотел летать барон без бортмеханика. А такого на базе не было в тот день. Просили его обождать, потерпеть, повременить... А он фордыбачится. К самому, говорит, Фошу пойду на телеграф жаловаться. У меня, говорит, самое секретное и самое важное поручение. Ну, тут, конечно, растерялись. Вижу я, мое время подходит, и говорю начальнику: а как, говорю, ваше сиятельство, если бы мне грехи перед свободной родиной в вашей земле великодушной замолить? А он говорит: „Пожалуйста. Это дело возможное. Лети себе за бортмеханика; вместе грехи замаливать будем“. Я своим ушам не верю. Еще не знал, что да почему, а чувствовал, что тут я свободу свою возьму.

„Вот поднялись мы с ним, сразу над морем понеслись. Держит он курс не на юг, к французским берегам, а на север, в открытое море. За-

бирается на самую высоту, до отказа. Вот уже тысяча, тысяча двести метров... Ну, думаю, летим к богу в гости. Наконец, уже и моря не видеть; идем над облаками, густыми-густыми... Подумал, подумал... и решил: теперь или никогда. Сидел я у него сзади, в кабинке наблюдателя. Оружия у меня никакого. Тогда я снял мотузок от штанов, петлю сделал да ему на шею накинул. Хрипит француз, а рычагов не выпускает. Тогда я на него взлез, рычаги принял и, думаю, валяй Андрей Поликарпович в Советскую Россию на всех парах. Только глянул, а бензина чорт-ма. Что будешь делать? Не хотелось руки марать французом, а пришлось. Иначе гнить бы мне во французской каторге до второго потопы. Затянул я петлю потуже, а мой француз уже синий, не дышит. Взял его документы, оделся в его форму, а его, голубчика, в море выкинул. Вот лечу я и бумаги просматриваю. Оказывается, есть пакет за сургучными печатями, с надписью: „Вскрыть по прибытии в Лондон“. А острова эти самые, английские, уже близко должны быть. Уменьшил газ, стал спускаться. Есть! В самый раз: Лондон под ногами. Спустился на аэродроме, как полагается союзному летчику, пошел с рапортом. Кое-как по-английски наскреб. Спасибо, был у нас мастер англичанин — от него в каторге научился. Вот в гостинице вскрываю пакет: „Явиться, — написано там, — в распоряжение лорда Пальмерста, адмиралтейство...“

„Делать нечего. Явился я в распоряжение этого знатного лодаря, вручил бумаги, добытые у француза и закатились мы с ним на три года в Азию. Скитались мы там по Бирме. Мой лорд все желтых собирал в союзную армию, попутно крамолу выводил, чтоб не воспользовались бирманцы войной и свою свободу не объявили. А как кончилась война, и уехал лорд Пальмерст, стали мы с французским генералом Мурреем оружие контрабандой в английскую Индию перебрасывать. С англичанами в союзе, а за спиной — индусов подымаем. Так уж у них повелось, у цивилизованных. Все это время бежать никак нельзя было, и я продолжал состоять поручиком воздушного флота „великой французской республики“ — Жаком Де-Лятюр-Бем. Только уже в двадцать пятом году послали меня на высшие летные курсы в Париж. Терпел я. Сердце в кулак зажал, ждал все. А от учебы не отлынивал. Зачем отлынивать? Учеба-матушка, она и у нас в СССР пригодиться может. Вот за день до вашего приезда произвели меня в старшие пилоты. А полет этот через океан должен был я держать вроде экзамена. Да чорта с два. Если бы не руль, были бы мы теперь в СССР...

Ребята так заслушались приключений Сидоренка, что и не заметили высоко поднявшегося и начавшего снова палить солнца.

Воды в поле уже не было. Только капельки сверкали бриллиантами в обсыхающей и поды-

мающейся траве, да далекая радуга украшала синее, синее небо.

Первым очнулся Микола. Он горячо пожал руку Андрея Поликарповича и сказал:

— Хотя у нас никто не поверит... а я верю и буду за вас...

— И я, и я...— присоединились Нездыймишапка и Антошка.

— Ребята, объясняться в любви успеем, а теперь надо нам выбраться из этой безлюдной, неизвестной земли и двинуться каким-нибудь способом к своим. Не забывайте: у нас нет бензина, нет пропитания, мы не знаем, где находимся, а наши нас не ждут,— сказал Сидоренко.

— Стойте! Стойте!— вскричал вдруг Микола.— Что там ревет?

Все насторожились. Откуда-то из зеленого степного простора доносилось низкое металлическое гудение и плыло настойчивыми рывками над степью.

— Завод!— крикнул Нездыймишапка.

— Аэроплан!— перебил Микола.

— Ни то и ни другое,— спокойно сказал Сидоренко.— По-моему, где-то близко идет пароход. Если бы вы меньше возились, слышно было бы и вам. Только-что ревел, а сейчас пыхтит слышно.

— Пароход? Как пароход?— изумились ребята.— Что ж он, по-вашему, по песку, что ли, плывет?

— Зачем по песку? — невозмутимо сказал Сидоренко. — Вы не понимаете, друзья. Здесь, в этом необъятном поле, благодаря зелени, не видно отчетливо контуров. А я уверен, что долина не так ровна, и у берега реки есть холмы, закрывающие ее от наших глаз. Только холмы эти не видны из-за сплошного зеленого фона.

— Да ну? — изумился Микола, — я бы никогда этого не понял...

Антошка не дожидался конца спора. Быстро сбросив куртку и ботинки, он начал взбираться на пальму. Ее шероховатая поверхность, несмотря на объем, позволяла легко карабкаться по стволу. Скоро Антошка скрылся в развесистой пальмовой кроне. Через минуту донесся его голос:

— Вижу! Вижу! Больша-а-я речища! Страсть... и верно — пароход на ней.

Подкрепившись скромными запасами летчика, друзья сговорились двигаться к реке. Порча руля оказалась настолько незначительной, что аэроплан был вполне пригоден к дальнейшему путешествию, оставалось только наполнить резервуар бензином. У реки ребята надеялись раздобыть горючее, справедливо полагая на берегу разыскать населенный пункт.

Машину решили временно оставить под пальмой. Около полудня ушло на маскировку аэроплана зеленью. Затем путешественники двинулись напрямик к реке.

Через два часа, когда солнце начало опускаться за далекие, невидимые горы, друзья достигли цели. Перед ними была широкая водная равнина, около пяти километров шириной. Величественно катились массивные волны. Вода была мутна, но это не уменьшало силы и красоты ее плавного движения.

— Ура! — крикнул Сидоренко. — Теперь ясно... Я знаю точно, где мы.

— И я знаю, где мы, потому что знаю, какая это река! — крикнул Микола.

— Какая? Какая? — в один голос закричали Нездыймишапка и Антошка.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В ТРОПИЧЕСКОМ ЛЕСУ

Наши герои стояли на берегу, разинув рты. Один только Сидоренко был спокоен.

— Если я не ошибаюсь,— сказал он,— осталось пройти километров десять, и будет город. Его не видно за тем холмом.

— Больно тихо для города,— усомнился Микола.

— Это ничего, что тихо, а вот погляди на небо!

— Что ж глядеть? На нем ничего не написано,— удивленно поднял голову Микола.

— Серьезно? Не написано?

Летчик явно подсмеивался над мальчиком.

Микола с недоумением указывал:

— Ну, что там? Смотри: вон птицы, вон облака, вон серый туман.

— И этого мало?

— Говори толком! — озлился Микола. — Нечего загадки загадывать!

— В самом деле,— вмешался Нездыймишапка,— чего парня зря мучить?

— Да я не мучаю! А только надо было больше читать. Я и сам здесь не бывал, а могу спорить,

что за тем бугром будет большой город и называется он Пара.

— Как же ты узнал?

— Очень просто. Вон поглядите, ребята — птицы. Это ястребы, и Пара ими славится. Читал я много про Южную Америку. Они заместо голубей здесь. Серый туман, о котором говорил Микола, это дым от пароходов. Пара — морской порт, и в нем всегда много пароходов со всех концов света. А что шума нет, так это очень просто: город выше нас за бугром, шум и не доходит. Вот и все. К тому же тут и шуметь особенно нечему: заводов нету.

В это время тишину прервал низкий вибрирующий звук, постепенно вытягивавшийся над степью. Он плыл, казалось, издалека, был слаб, но настойчив, и в тишине прекрасного вечера являлся единственным цельным стройным шумом.

— Вот вам и порт шумит, — продолжал Сидоренко. — Это, должно, или пароход пришел, или уходит собрался. Одно из двух.

— Айда в город! — прервал разговоры Микола.

Бодро двинулись берегом вдоль реки, по течению. Золотой закат багровел, прижимая голубые остатки дня к изумрудной земле.

Итти было трудно. То и дело приходилось обходить ручейки, ручьи, речушки. Густой лес неожиданно надвинулся сплошной стеной. Лавировать между деревьев было почти невозможно, так как лианы сплошь оплетали стволы, спуска-

лись с деревьев, переплетались между собой, образуя крепкие сетчатые стены.

В лесу стало совсем темно. Путешественники не видели друг друга. Сидоренко, как более опытный, подал совет:

— Ребята! Давай перекликаться. Я буду говорить: „есть“! А вы — один за другим — отвечайте по имени.

Микола слышал, как кто-то сопит вблизи. Иногда тьма неожиданно сгущалась и принимала очертания человеческих контуров, но он не мог разглядеть, чей это силуэт. Потом тень исчезала, сопение прекращалось, и мальчику на мигнуто казалось, что он один, затерянный в неведомо диком и фантастическом лесу. Тогда, не дожидаясь Сидоренка, Микола кричал:

— Я, я — есть — Микола! Здеся!..

И из темноты доносилось глухое:

— Я — Антон Жуков!.. Здеся!..

— Я-а-а!.. Нездыйми-и-ша-а-пка-а-а-а!..

— Не робей, ребята! — орал Сидоренко, — я с вами. Покуда я жив, вы обеспечены.

Так они пробивались с полчаса. Сидоренко, очевидно, был где-то впереди. Вдруг раздался его голос:

— Стоп, ребята! Вали сюда, только потише...

Антошка двинулся наугад и столкнулся с Миколой.

У корней огромной пальмы они нашли Сидоренка и Нездыймишапку.

— Погляди туда, ребята! — сказал Сидоренко, указывая рукой.

Мальчики увидели робкий, мигающий огонек. Он то появлялся, то исчезал.

Посоветовавшись, друзья решили двигаться на огонь. Это тоже было не легко. Тем более, что у путешественников не было топоров, тесаков или другого оружия, которым можно было бы прорубить путь в стене лиан.

Скоро друзья наткнулись на извилистую тропинку, идти стало легче, и движение ускорилось. Неожиданно на повороте блеснул потерянный было огонь, и тропинка уткнулась в мрачное небольшое здание, от которого падал свет на притоптанную траву.

Ни пристроек, ни служб вокруг не было. Здание представлялось необитаемым. И если бы не привлекавший внимание огонек, пожалуй, можно было думать, что дом покинут.

Мальчики придвинулись к Сидоренку. Тот приложил палец к губам и сделал знак:

— Тс...

Затем он осторожно обошел вокруг домика, подобрался к окну, из которого падал свет, и пригнувшись, поглядел внутрь.

Неожиданно, близко, над самым ухом Миколы, раздался резкий гортанный крик. Мальчики испуганно обернулись. Но сзади никого не оказалось. Сидоренко быстро выхватил „кольт“ и приготовился к обороне.

Крик повторился. На этот раз ясно было: кто-то гневно выкрикивает на незнакомом языке.

Сидоренко тихо сказал:

— Здесь живут индейцы — сборщики каучука. Их, должно быть, двое. Один там сидит, в домике, и коптит сок, а другой, видно, возвращался, увидел незнакомых и кричит что-то по-своему. Привычные они. Ночью, как кошки видят. Стоит, наверное, где-нибудь за деревом и орет. Хорошо, если без оружия, а то как бы со страху беды не наделал...

И, повернувшись к мрачной гуще подступившего леса, Сидоренко заорал:

— Свой, камрад, камрад...

Гортанный крик повторился.

— Стой, скажу-ка я по-английски... Здесь многие говорят по-английски. — Он принялся выкрикивать непонятные товарищам слова. Но индеец не показывался. Крики его становились все более гневными. Антошка вдруг завопил:

— Чего не понимаешь? Русские мы, советские — вот кто мы!..

И едва он это сказал, как от стволов отделилась высокая, стройная фигура, и перед друзьями вырос полуодетый человек, внимательно вглядевшийся в их лица.

— Русь? Ррррусь? Совет? Ох, совет... — говорил он, и в голосе его не было больше гневных ноток.

При свете, падавшем из окна хижины, его резко очерченное и в то же время полное мягкой меч-

тательности лицо выражало радостное удивление. Он не переставал повторять:

— Ох, рrrуссс, совет, ох...

При этом он подводил то одного, то другого путешественника к окну, ставил под свет, гладил лицо, руки, одежду и повторял:

— Совет!.. совет...

Потом, подняв руку, он торжественно произнес несколько слов. Друзья ничего не поняли, только последнее слово удалось уловить:

— Ле-нин... Ленин...

Тогда они потянулись к нему и начали напереерыв пожимать его сухую мозолистую руку.

Вместо „здравствуйте“, все говорили:

— Ленин! Ленин!

И индеец утвердительно и важно кивал головой, вежливо повторяя:

— Ленин! Ох, Ленин!

Затем торжественным жестом он пригласил всех в хижину. Здесь не было никакой мебели. Единственный заменявший стул ящик занят был вторым сборщиком каучука, тоже индейцем. Когда друзья вошли, он вскочил и что-то быстро заговорил, вопросительно поглядывая на своего товарища. Тот ему ответил на своем языке, но друзья расслышали знакомые слова:

— Рrrrrус, совет... Ленин...

Тогда и второй начал жать им руки, кланяться и приглашать остаться. При этом он прикладывал руку к сердцу, затем подводил глаза кверху,

показывая двумя пальцами на потолок, широким жестом обводил гостей и затем показывал на пол.

Сидоренко подошел к нему, похлопал по плечу и сказал:

— Ладно! Ладно! Остаемся.

Индеец показал на угол и еще раз произнес:

— Совет... Ленин!

В углу висела запыленная старая фотография Ильича, повидимому, вырезанная из американской газеты.

Хозяева предложили сваренный в кошелке кофе. Поужинав, все завалились спать на пальмовые листья.

Несмотря на то, что ни хозяева, ни гости не знали общего языка, они быстро научились понимать друг друга. С помощью жестов путешественники объяснили утром, как они попали в Бразилию. Правда, никто не знал, поняли ли индейцы рассказ Сидоренка, дополненный объяснениями Миколы, но как бы там ни было, все остались довольны.

Завтрак составляли кофе и лепешки с кокосовыми орехами. После завтрака, вместо того, чтобы идти к городу, друзья решили сходить с индейцами „их дорогой“, — так называют в Бразилии путь, лежащий в лесу между каучуковыми деревьями.

Индейцы взяли свои острые топорики и взвалили на спины мешки с жестяными чашками. Первое

дерево оказалось единственным каучуковым деревом среди множества пальм, огромных, невиданных до того перистых растений: все это перепутано было всевозможными воздушными и ползучими растениями.

Когда путешественники проходили под огромным деревом, вершина которого терялась где-то над аркадой зелени, индеец вдруг схватил зазевавшегося Антошку и потянул в сторону. Как раз на то место, где только-что стоял Антошка, шлепнулся тяжелый, твердый орех. Он был величиной с голову ребенка. От падения кожа его лопнула. Внутри оказалось около двадцати вкусных трехгранных орехов, каждый величиной с среднее яблоко.

Несмотря на кажущуюся непроходимость первобытного бразильского леса, индейцы шли вперед уверенно, сразу находя нужное им каучуковое дерево в массе разнообразных стволов. Точно от дерева к дереву в этой непролазной глуши шла проложенная человеком тропинка.

Ствол каучукового дерева — толщиной с туловище человека. Он покрыт гладкой беловато-серой корой. На высоте двух сажен от земли ствол этот блестит, как серебро. Внизу ствол покрыт рубцами, наростами, а у самой земли цвет его переходит в черный. Кое-где кора покрыта полосами желтого цвета. Микола надрезал ножиком эту полосу и хотел отодрать кусочек „клея“, как делал он дома с вишневыми деревьями. Но это

оказалось далеко нелегким делом: сок потянулся за ним, вытянулся длинной ниткой почти на сажень от дерева и, наконец, оторвался.

Индейцы производили топориком глубокие надрезы на коре, стараясь не задеть ствола. Тотчас после удара начинал капать из раны белый, похожий на густое молоко, сок. Сборщики прикрепляли к стволам под надрезом чашки и уходили к следующему дереву. На некоторых деревьях, стволы которых были толще других, индейцы делали по несколько надрезов и к каждому прикрепляли чашку.

Так путешественники прошли по лесу много километров, наблюдая за работой индейцев. Те, видимо, были довольны вниманием. Уже высоко поднялось солнце, когда индейцы закончили свой обход. Теперь они начинали его сначала, чтобы собрать чашки. Микола и Антошка пошли с ними, чтобы помочь, а Нездыймишапка и Сидоренко возвратились в хижину и прилегли на пальмовые листья.

Возвратившись, индейцы не стали отдыхать. По их жестам друзья поняли, что медлить нельзя, ибо может испортиться каучуковый сок. Индейцы слили из всех чашек сок в большую миску, развели возле хижины костер из ореховой скорлупы. Антошка думал, что они поставят миску с каучуком на костер и станут варить, но они этого не сделали. Старший индеец достал длинную деревянную лопатку и опустил ее в

миску с соком. Потом мокрую лопатку, с которой свешивались нити каучука, он стал поворачивать над костром в дыму. От копоти каучук стал сгущаться, желтеть. Скоро на конце лопатки образовался кусок каучука, напоминающий окорок. Тогда другой индеец сделал на куске надрез, снял его и отнес в сени, где в углу прикрытые пальмовыми листьями лежали десятки подобных кусков. В это время старший индеец снова опустил лопатку в миску и повторил маневр. Так они работали, пока в миске ничего не осталось.

Было уже темно, когда индейцы, наконец, закончили со своей работой. Наши путешественники не напрасно ждали. Индейцы дали им понять, что доведут их до города.

Скоро двинулись по невидимой в темноте, но хорошо знакомой индейцам тропинке и очутились на берегу реки, на каких-то досках, отдаленно напоминавших маленькую пристань. Здесь была привязана большая лодка. Все разместились, один из индейцев поставил парус, другой стал на руль.

Стоявший у паруса индеец извлек из-под сидения несколько гамаков и указал друзьям, как их прикрепить к мачте и штокам.

Течение несло лодку к цели медленно, но верно. Спешить было некуда, в гамаках было прохладно. Приятно покачивало, от ночной воды тянуло густым запахом прибрежных трав.

Вдруг заревел пароход, и из-за поворота реки показался огонь, потом другой. Разноцветные огни поплыли над водой.

Один из индейцев торопливо сел на весла. Рулевой усиленно заработал своим направляющим веслом. И сделал это как-раз во-время: лодка еле успела увернуться от парохода.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ОПЯТЬ В ВОЗДУХЕ. АЭРОПЛАН НА ЛОДКАХ

Утром, с видом скучающих бездельников, бродили наши приятели по улицам города. У Сидоренка были английские доллары, и здесь их охотно принимали. Базар был завален грудami ананасов, кокосовых орехов, апельсинов, черного табаку, лепешек, цветов. Разносчики предлагали купить обезьян, попугаев. Ястребы сидели на каждой крыше, на каждом шесте. Никто их не преследовал, и они вполне доверяли человеку. Ястреб здесь исполняет работу чистильщика улиц. Не успеет упасть что-нибудь с лотка, как сверху падает ястреб, и кусок исчезает.

Путешественники на трамвае пересекли весь город. Масса магазинов, зеленых садов, парков... Торгуют, торгуют, торгуют. И... рядом — истомленные непосильной работой на зтопленных водой лихорадочных каучуковых плантациях индейцы, голодные, нищие крестьяне, просящие подаяния среди этой богатейшей природы.

Гавань была полна самых разнообразных пароходов, кораблей, лодок. Здесь были островитяне с устья Амазонки, загорелые, рóслые жители

Боливии, англичане, французы, немцы... Пароходы выгружали какао, перегружали каучук, рис, маниок, керосин, доски, треску. Все это продавалось, перепродавалось — тем дороже, чем обильней было полито человеческим потом.

Вечером на веслах плыли к пристани индейцев. До конца те оставались верными друзьями. И если хотели выразить почтение по какому-нибудь поводу, прикладывали руки к груди, низко склоняли головы и торжественно произносили:

— Ленин!

В ту же ночь друзья не без труда разыскали свой аэроплан, исправили при свете полной луны руль и взнеслись высоко над Амазонской долиной к Великому океану, до которого было около трех тысяч километров.

Недаром французское правительство рассчитывало на эту машину. После перелета через Атлантический океан она теперь легко неслась над материком Южной Америки с востока на запад со скоростью двухсот сорока километров в час. Но этот перелет был значительно трудней и опасней первого, так как предстояло лететь над высокими Кордильерами, — горами, покрытыми вечным снегом, в большинстве непроходимыми, о которых очень мало известно южноамериканским летчикам и ничего не известно европейским.

Но эти трудности были впереди. Пока же внизу узкой стальной лентой извивалась Амазонка

с ее величественными притоками и зеленым бассейном.

Один за другим мелкали пересекаемые притоки. С юга промелькнули: Токантин, Аннапу, разветвленный Хингу, Такайос, огромный Рио-Мадейра, со своей широкой дельтой в месте слияния. Здесь Амазонка разлилась настолько широко, что даже с той высоты, на которой летели наши путешественники, видно было, что река превращается в огромное озеро с бурлящей водой. Здесь начиналась полоса обильных дождей. Европейцы не имеют представления о силе ливней в Южной Америке. Достаточно сказать, что средней силы ливень способен в каких-нибудь двадцать минут затопить равнину площадью в несколько тысяч квадратных километров.

Огромная, многоводная Амазонка и большинство ее притоков питаются, главным образом, водой, собирающейся в низменностях после ливней.

К счастью, Сидоренко знал свойства местности и, добавив газа, поднялся на тысячу триста метров. На этой высоте тучи были под машиной. Но возникла другая неприятность. Приближалась ночь. Никто, конечно, в Южной Америке не позаботился расставить воздушные маяки, и лететь на такой высоте, имея впереди таинственные и страшные Кордильеры, было крайне рискованно. И спускаться было опасно, так как в вечерних лучах тропического солнца контуры и рельефы местности всегда обманчивы.

Сидоренко повернулся к ребятам, показал на землю, покачал головой и нажал рычаг высоты. Машина начала писать зигзаги, затем пошла спиралями, широкими кольцами; скоро вышли из облаков и увидели в темнозеленых тенях необъятную равнину, на вид покрытую мелкой травкой. Но путешественники знали, что представляет из себя эта травка. Внизу был сплошной непроходимый лес, и спуститься на эту невинную травку значило повиснуть на каком-нибудь стапятидесятифутовом великане, чтобы через секунду лететь с этой высоты на землю, предвременно изодрав тела о крепкие, острые сучья.

Между тем, быстро темнело. Думать перелететь в темноте горы мог только сумасшедший. Спуститься в лес тоже нельзя было. Сидоренко быстро принял решение и направил машину к серевшей вдаль, снова превратившейся в реку, воде.

Река приближалась со страшной быстротой. С каждой секундой она становилась шире, все больше выступали очертания берегов.

Стараясь держаться ближе к берегу, Сидоренко круто посадил машину в воду. Машина накренилась, врезалась правым крылом в ил и остановилась. Вода начала заполнять кабину.

— Выходи! — крикнул Сидоренко.

— Не выходи, а выплывай! — поправил Микола.

И действительно, к берегу пришлось пробираться вброд. Но Сидоренко заметил, что машину начинает сносить течением, и заорал:

— Куда? Назад? Машина пропадет!

Все кинулись обратно и по пояс в воде стали оттягивать машину ближе к берегу.

Стало совсем тепло. Луны не было. Работать приходилось в крошечной тьме.

Микола и Нездыймишапка нажали на одну сторону. Раздался треск. Микола шлепнулся в воду.

— Тише, черти! Крыло сломали,— удрученно сказал Сидоренко.

Фыркая и отплевываясь, поднялся Микола. Сидоренко хлопал в воде, щупая машину и бормотал что-то невнятное.

— Ну, ладно,— сказал он,— утро вечера мудренее. Айда на берег. Надо спать, а утром дела хватит...

Привязав машину и убедившись, что ей не грозит быть унесенной течением, ребята начали переносить провизию и палатку на берег. Ощупью растянули полотно, собрали валежник. Нездыймишапка развел огонь. Скоро на берегу запылал большой костер.

— Вали! Вали!— говорил Сидоренко — здесь лес не загорится, хоть и горячий, но мокрый всегда...

Спали в гамаках, прикрепленных к стволам деревьев. Утром, чуть свет, Сидоренко уже вошел у машины.

— В таком виде через горы не полетишь,— решил он.— Надо что-нибудь делать. Хоть до го-

рода бы добраться, а там можно машину в два счета починить.

К счастью, на реке оказались две большие лодки. Хозяев поблизости не было. Но условия, в каких находились путешественники, не позволяли особенно заботиться о принципах законности. С большим трудом, общими усилиями, подтянули лодки под аэроплан, привязали машину к лодкам так, что колеса остались под водой, между лодками, а корпус очутился на лодках, над водой, и разместились в кабине, словно собрались снова лететь.

— Вот теперь махнем по воде! — заявил Сидоренко и дал полный газ.

По счастью, запасов бензина было достаточно, и лодки понеслись против течения с огромной быстротой. Иногда они вздымались носами настолько, что, казалось, собираются подняться на воздух. Но опытная рука Сидоренка во-время нажимала соответствующий рычаг, и движение продолжалось.

Вдруг Сидоренко застопорил машину.

— Нет, так не годится. Так мы год будем плыть против течения. Есть другой путь. Заводи весла, поворачивай обратно.

Ребята не расспрашивали, а принялись проделывать сложный в данных условиях маневр.

Скоро лодки неслись вниз по течению с быстротой около ста двадцати километров в час. Навстречу попался пароход. Он начал давать

тревожные сигналы, но друзья не останавливались и промчались мимо парохода так, словно их вовсе не касались сигналы.

В девять часов утра импровизированный гидроплан прибыл к устью Рио-Негро, впадающей в этом месте в Амазонку. Обогнув селения в устье, не обращая внимания на испуганных жителей, друзья помчались на север, вверх по Рио-Негро. Машина неслась по неширокой, но полноводной реке, скорость упала до восьмидесяти километров в час. Через пять часов, однако, достигли Касиквиара — естественного канала, соединяющего Рио-Негро с большой рекой Ориноко. Канал был покрыт в полчаса. Затем снова, с быстротой в сто двадцать километров, друзья помчались по Ориноко.

К вечеру сказочный пробег был закончен, и путешественники очутились снова на берегу Атлантического океана, несколько северней пункта своей первой посадки, в жалкой венецуэльской деревне, населенной дикими индейцами.

Последнюю часть пути пришлось проделать по ничем не защищенной реке, так как долина Ориноко далеко не так лесиста, как долина Амазонки. Большая часть течения приходилась на дикие степи, покрытые невысокой травой. Эти степи назывались „льяносами“.

Усталость давала себя чувствовать. Рассчитывать на помощь людей не приходилось. Культуры — никакой. Оказалось, что и полет и фантастическое плавание не привели ни к чему. Друзья

топгались на месте, не взирая на огромную быстроту своего движения.

— Надо как-нибудь чинить машину,— решил Сидоренко,— и пробираться через Караибское море, Панамский канал к Великому океану. Если лететь, утром будем там. А вдоль берега лететь можно и ночью. Огней хватит...

— А я бы посоветовал, если чинить машину, так уж итти прямо над материками в Нью-Йорк и там ждать наших,— сказал Микола.

— А я бы посоветовал...— начал Нездыймишапка.

— А я бы посоветовал,— передразнил Сидоренко — я бы посоветовал раньше всего закрепить крыло, потом уж и лететь.

Между тем, с ближайшего острова стали доноситься смутные крики, вскоре превратившиеся в рев и вой. Приглядевшись, друзья увидели на берегу толпу голых людей, вооруженных луками и стрелами, изредка винтовками. Они размахивали над головами оружием и приближались к машине.

— Караибы!— сказал Сидоренко.— Эти много опасней гор. Надо скорей ладить машину, а то никогда отсюда не выберемся.

Индейцы приближались, окружая со всех сторон аэроплан. Когда они были совсем близко, и передние начали осторожно опускаться в воду, Сидоренко закричал:

— Вали, ребята, в кабину! Я знаю, что делать!

Команда была мгновенно выполнена. Забравшись в кабину, друзья начали в окна следить за движением индейцев.

Скоро вся река была полна людьми. Они кричали, били себя в грудь и наступали с явным озлоблением.

— Ну, как им дать понять, что мы не враги, что мы из СССР? — сокрушенно сказал Микола. — Ведь те были культурные, поняли нас, а эти не поймут...

— Разве попробовать? — предложил Нездыймишапка.

Но Сидоренко сказал:

— Напрасно! Запуганы они, забиты. Здешные помещики держат их в черном теле специально, чтоб выжимать было легче.

Караибы все приближались. Теперь они уже окружили аэроплан тесным кольцом.

— Ну, ладно... — сказал Сидоренко, — начнем, что ли?

С этими словами он дал ход мотору. Едва разнеся рев машины, как караибы остановились и начали пятиться. Но когда Сидоренко дал полный газ и направил машину в самую гущу толпы, началась невообразимая паника. Индейцы кидали оружие и стремительно, давя один другого, бросились к берегам. А машина, вырвавшись из круга, помчалась дальше в открытое море.

— Даешь север! — сказал Микола.

— Правильно! — подтвердил Сидоренко. — Сначала на север, потом на запад.

Приблизительно через час после бегства от индейцев из полумрака океанских сумерек неожиданно вырос зеленый массив неизвестного, густо заросшего острова.

Усталость брала свое, и друзья знаками сговорились пристать к острову, чтобы сварить пищу и отдохнуть.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ПРИКЛЮЧЕНИЕ НА ЯМАЙКЕ

Несмотря на душную синюю мглу тропического вечера, Сидоренко с удивлением увидел, что остров почти от самой воды представлял собою тщательно возделанные плантации табаку и кофе. Чувствовалось близкое присутствие крепко налаженного человеческого жилья, но эта близость не сулила ничего утешительного.

— Ну, хлопцы, держи ухо востро,—опасливо произнес он.—Чего доброго, к лешему в зубы не попасть бы...

— К какому лешему?—не понял Антошка.

— К двуногому, — загадочно понизил голос летчик.

— А что такое? — насторожился Нездыймишапка.

— Очень просто. Куда мы попали? Чьи это плантации?

— Кто же может сказать?..—развел руками Микола.—Плыли наугад, море неведомое, дорог никаких не знаем... Тут до веку не сообразишь, куда втюрились.

Летчик по-заговорщицки оглянулся и торопливо заговорил вполголоса:

— Судя по карте, какую мне удалось купить вчера в городе, это остров Ямайка... или остров Куба. Скорее всего Ямайка: Куба должна быть больше. А раз так, значит мы, как кур во щи, в лапы англичан попадемся. Ямайка ведь Англии принадлежит...

— Что же делать?—спросил Нездыймишапка.

Летчик на мгновение задумался. Потом твердо и решительно заявил:

— Один путь у нас: в Мексику пробираться. Тут везде враги хуже тигров, а в Мексике наше полпредство есть. Доберемся до него — спасены.

— Эх, не догадались вчера полпреду телеграмму двинуть,—горестно вздохнул Нездыймишапка.

— Что не догадались, то пропало.

— Как бы все-таки здесь не вляпаться?..

— По-моему, так: главная цель — крыло починить. Ведь на чем мы едем? Пароход — не пароход, лодка — не лодка, плот — не плот, — одним словом, ни богу свечка, ни чорту кочерга. На таком изобретении далеко не ускачешь. А починим аэроплан, тогда мы сами себе хозяева, — попробуй, поймай нас тогда!

— Кто же чинить-то будет? Не англичане же! — с недоумением вытянул шею Микола.

— Англичане? Они тебе так починят, забудешь потом, каким местом сидеть надо!

— Молчи, Микола,—остановил Нездыймишапка.

— Сам починю!—горячо и непреклонно, готовый на отчаянную попытку, произнес летчик.— Паяльник у меня есть, щипцы, плоскогубцы, стальная проволока,—все в инструментальном ящичке в порядке. Пока ночь и ничего не видно, стойте по очереди на карауле, а я немножко посплю. Огня не разводите, варить ничего нельзя. Поешьте орехов, бананов, и будете сыты.

Сидоренко разостлал на сухом, еще не остывшем от дневного зноя песке свой плащ и лег.

— Ну, кому сначала дежурить? — спросил Нездыймишапка Миколу и Антошку.

Вечер с обычной под тропиками быстротой перешел в ночь, и лиц юных спутников почти не было видно.

— Могу я заступить,—сказал Микола.

В это время где-то далеко во мраке слышались человеческие голоса. Все чутко насторожились. Голоса были смутны и непонятны. Они звучали приглушенно, будто сквозь сон, не приближаясь и не удаляясь.

— Должно быть, жилье в той стороне,—прошептал Антошка.—Давайте лучше втроем сторожить: одному-то страшно, и, пожалуй, проворонишь момент в случае опасности.

— Верно, одному не управиться,—согласился Нездыймишапка.— А сонный — что мертвый.

— Только бы выбраться отсюда благополучно. Выспаться всегда успеем,—отозвался Микола.

Ночь была душная и жаркая. Земля дышала распаренной влажностью неизвестных цветов и трав, головокружительные, необыкновенно сильные пряные запахи слепыми блуждающими волнами шли с острова, точно там были пролиты целые ведра духов. Голоса в отдалении скоро погасли. Настала глубокая тишина. Только изредка было слышно, как в океане всплескивали ночные играющие рыбы.

После полуночи на острове вдруг раздался рипящий звук, похожий на скрип отворяемых деревянных ворот, и сейчас же четко донесся топот лошадиных копыт по мягкой пыльной дороге.

— Что такое?—проснулся летчик.

— Тш...—зашептал Антошка.—Кто-то, должно быть, верхом на лошади поскакал.

Летчик прислушался: топот уходил вдаль, в глубину острова.

— Черти!.. — проворчал он.— Отдохнуть не дадут.

Поворочался несколько минут и заснул снова.

А Микола дернул за рукав Нездыймишапку:

— Ловко спит? А? Чуть что, уже сам проснулся, будто и глаз не закрывал.

— Одним ухом спит, другим слышит,— улыбнулся невидимой в темноте улыбкой Нездыймишапка.— Тертый калач, бывал в переделках. С таким не пропадешь!

Едва только забрезжила заря, как летчик уже был на ногах. Он лихорадочно втащил аэроплан

с лодок на берег, развел паяльник и с необыкновенной быстротой стал скреплять сломанные части крыла. Работа у него под руками кипела. Тонкой стальной проволокой, как перевязочным бинтом, он стягивал расползшиеся соединения. Самым страшным и рискованным в его работе был ничем не заглушаемый шум паяльника. Сильнее пламя гудело с густым остервенением, и шум его в прозрачном утреннем воздухе разносился, вероятно, очень далеко. И, действительно, скоро из-за прибрежных кустов кофейной плантации показался очень подозрительный человек, с легким желтовато-белым шлемом на голове, сделанным из какой-то узловатой мелкой соломы. Точно такие же шлемы ребята видели третьего дня в городе на английских полицейских. Человек с большими предосторожностями приблизился к аэроплану, несколько мгновений молчал, потом строго спросил по-английски:

— Откуда?

Летчик сердито взглянул на подошедшего и неопределенно покрутил рукой на юг, в сторону океана.

— А кто вы такой? — снова задал вопрос незнакомец.

Летчик смерил его с головы до ног и, не прекращая работы, коротко бросил:

— Энглиш. Англичанин.

— Эн-глиш? — изумился подошедший.

— Да, сэр.

— А это?—указал полисмен на Миколу.

— Тоже англиш.

— А это?—с явным недоверием ткнул островитянин на Нездыймишапку и Антошку.

— Тоже англиш. Мы все англиш.

Шлем насмешливо скривил губы и потянулся рукой к оттопыренному карману, в котором, судя по выпуклостям материи, находился револьвер. Но летчик во-время заметил это движение и, мгновенно выхватив свой кольт, предостерегающе поднял его перед лицом слишком наянливого незнакомца. Тот сейчас же опустил руку. А Сидоренко, веско потрясая кольтom, указательным пальцем левой руки тыкал в заводское клеймо на револьвере и пояснительно повторял:

— Это тоже англиш.

— А-а...—растерянно раскрыл рот островитянин и боязливо попятился. Он хотел сейчас же броситься бежать в селение, чтобы поднять тревогу, но Сидоренко резко погрозил ему и закрычал Нездыймишапке:

— Бери у меня револьвер! Скорей! Не давай этому гусю с места сойти. Держи его на мушке, пусть стоит столбом, пока я починку не кончу.

И, обратясь к ретивому англичанину, с едкой любезностью сказал по-французски:

— Будьте любезны, сэръ, подождать немного. Мне осталось работы не больше, чем на полчаса.

Островитянин плотно сжал губы, лицо его залилось злобным багровым румянцем, глаза с осоло-

велой беспомощностью заматались из стороны в сторону. Нездыймишапка с неподвижной уверенностью целился ему прямо в голову, и он стоял, как солдат на часах, не смея даже пошевелиться.

Никогда не были так лихорадочно быстры, точны и ловки движения летчика, как в эти полчаса. Три юных жизни и его собственная находились в зависимости от того, сумеет он привести аппарат в состояние, годное для полета, или нет. Ум его работал с крайним напряжением, вся сила сметливости и находчивости сосредоточивалась на поврежденных частях. Нужно было предусмотреть каждую мелочь, потому что малейшая неправильность могла потом оказаться гибельной и катастрофичной при полете. Пот крупными каплями стекал с взволнованного лица летчика. Микола и Антошка, исполняя разные поручения, ползали под крыльями аэроплана и помогали, чем только могли.

Между тем, огромное тропическое солнце поднялось из-за океана, и жара стала быстро увеличиваться, словно кто-то открыл в небе пламенный кран. Жизнь на острове давно уже пробудилась, это было ясно по множеству трудовых будничных звуков, доносившихся из ближайшего селения, расположенного за кофейными плантациями. В любой момент на берегу могли появиться люди, и тогда положение путешественников оказалось бы критическим, так как с одним един-

ственным кольцом они не в состоянии были бы бороться против толпы, которая наверно сбежалась бы моментально, как только распространился бы малейший слух о неожиданном пленении полицейского неведомыми иностранцами. Стоя под дулом револьвера, островитянин с ожиданием и надеждой смотрел вбок, на уходящие вдаль плантации. Наконец, его урюмо сдвинутые брови дрогнули, глаза вспыхнули дикой радостью, он невольно вытянулся. Нездыймишапка глянул на плантации, и у него захватило дух: из-за кофейных кустов приближалась странная длинная подвода, похожая на крымскую мажару, с двумя взрослыми мужчинами.

— Сидоренко! Люди!—пересохшим от волнения голосом крикнул Нездыймишапка.

Летчик выглянул из-за крыла и кинулся собирать инструменты. Через несколько мгновений он уже пустил в ход пропеллер. Аэроплан, сотрясаясь, загудел вольным ветровым ревом. Запряженные в мажару кони от испуга вскинулись на дыбы и бешено понеслись в сторону, по табачным и кофейным плантациям, как по горячей степи.

— Антошка, Микола! Лезьте в кабину!—крикнул летчик.

Потом метнулся к англичанину и, галантно приложил руку к козырьку.

— Извините, сэр, что задержал вас. До свидания. Кланяйтесь вашей бабушке.

Широким поспешным жестом Сидоренко показал, что англичанин должен немедленно убираться по добру, по здорovu во-свояси.

Полицейский, неуверенно моргая и озираясь, не поворачиваясь к летчику спиной, стал пятиться в кофейные кусты. Со стороны дальних плантаций подбегали люди.

— Скорей, скорей!—крикнул вдогонку полицейскому летчик. Затем легкими цепкими движениями занял свое место, и аэроплан плавно покотился по прибрежной полянке. Прокатившись сажен десять, аппарат мягко отделился от земли.

В этот момент внизу грянул выстрел. Пуля, как шмель, бжикнула около уха летчика.

— Ах, подлец, еще стрелять вздумал?—вскипел он.—Я ж тебе покажу!

Сидоренко круто повернул руль и через туго натянутые стальные тросы посмотрел на землю. Там, задрав вверх голову, стоял англичанин в шлеме и целился в аэроплан.

— А ну, Нездыймишапка, щелкани его как следует!—знаками указал летчик: за шумом пропеллера голоса уже не было слышно.

Нездыймишапка прищурил левый глаз и выстрелил.

Желтовато-белый шлем слетел с англичанина, точно его сдернула невидимая рука или сорвал внезапный порыв ветра.

Летчик оглянулся сияющим лицом на ребят.

Полицейский выронил револьвер, в страхе обхватил обеими руками голову и побежал, не разбирая дороги, напрямик по плантациям.

Сидоренко повернул руль и погнался за ним. Англичанин остановился и переменял направление. Подбегавшие люди кинулись врассыпную. Летчик сделал дугообразный вираж и снова погнался за полицейским. Тот, выбиваясь из сил, опять переменял направление. Летчик свирепой стрелой описал петлю и снова направился вслед за беглецом. Эта гонка продолжалась до тех пор, пока полицейский в изнеможении упал.

— Хватит с тебя! Еще, чего доброго, расстройство желудка получишь,—рассмеялся летчик и круто стал забирать высоту.

Скоро остров, как зеленый корабль, остался глубоко внизу. Кругом на необозримое пространство расстилалась синяя гладь океана, и прямо в глаза било ослепительно знойное сияние солнца. Микола посмотрел на компас: аэроплан, как пущенная из мощного лука стрела, шел на запад.

После бессонной ночи ребята испытывали утомление, но это утомление от сознания счастливо избегнутой опасности было светлым и легким необыкновенно.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

НОВЫЕ ОПАСНОСТИ

Уже больше двух часов стальной рев аэроплана разрезал синий воздух над океаном, уже покоем и утешительными надеждами наполнялись сердца Миколы и Антошки, когда на горизонте узкой грядой показалась земля. Земля, приближаясь, вырастала, как облако, и скоро в маленькой бухте, похожей на слегка разогнутую подкову, стал вырисовываться, точно белое широкое гнездо, какой-то город. Летчик пристально посмотрел на карту, оглянул, сравнивая, местность и на весь голос крикнул назад, в кабину:

— Гавань Вера-Круц!

Никто не разобрал этих слов, но по уверенному веселому лицу летчика каждый понял, что все в порядке: путь верен, план выхода из тяжелого положения правилен, впереди, несомненно, должна быть помощь.

Сидоренко в уме подсчитывал расстояние, которое оставалось от Вера-Круц до города Мексико, столицы Мексиканской республики, где среди различных дипломатических посольств находилось и советское полпредство. Подсчеты

показывали не больше часа полета, и Сидоренко спокойными руками держал ритмически вздрагивавший руль, отдаваясь безмятежным мыслям о том, как он вернется на родину и какая удивительно счастливая жизнь начнется у него после долгих лет вынужденного скитания по чужбине. Внизу проносились горы, долины, леса, ручьи, дороги, селения,—земной ковер, поминутно меняясь, проплывал со сказочным разнообразием цветов и узоров.

И вдруг в бензинных баках послышалось резкое зловещее гудение, так хорошо знакомое летчикам, вселяющее в них панический страх и растерянность: гудение обозначало, что бензина нет, что стальное, жужжащее сердце аппарата скоро остановится, и аэроплан окажется тогда в воздушной стихии беспомощной щепкой, готовой в любой момент погибнуть. Сидоренко внезапно ощутил холод во всем своем теле. Он оглянулся назад, на ребят, и те изумились его необычайной бледности, лихорадочному блеску усталых глаз, вспыхнувших тревогой и смятением. Глубоко внизу была сплошная зелень густых горных лесов, среди которых лиловато-серыми пятнами виднелись голые скалы. Сидоренко лихорадочно метался глазами по этой зелени, ища хоть какого-нибудь места, где можно было бы опуститься. Но нигде ничего удобного не было. Внезапно мотор стал давать перебои, словно его кто-то душил, и он задышался в конвульсиях и судоро-

гах. Несколько минут мотор еще работал—дикими скачками, исступленными порывами,—но, наконец, задохнулся и замолк совершенно. Летчику оставалось одно: спланировать вниз, по возможности, медленнее, на первое попавшееся свободное пространство, хотя бы самое ничтожное, чтобы не разбиться при посадке о деревья или о скалы. На мгновение Сидоренку показалось, что где-то справа мелькнула песчаная плешина, и он наугад повернул аппарат в ту сторону. Аэроплан, как коршун на распластанных крылах, безмолвно стал снижаться. И, действительно, меж лесами через секунду показалось узкое песчаное пятно. Нужна была совершенно исключительная ловкость и сноровка, чтобы дотянуть до открытого места, чтобы не посадить аэроплан на широко раскинувшиеся сучья деревьев. Пролетев над самыми верхушками леса, аппарат с плавным разбегом сел на песок.

— Вот счастливо,—не веря самому себе, проговорил Нездыймишапка.—Я думал—смерть.

— Да,—бледной улыбкой улыбнулся летчик,—мимо смерти не больше, как сажень на двадцать проскочили. Опустись аппарат на пять секунд раньше—крышка!

Микола и Антошка, разминая ноги, выскочили из кабины.

Но не успели путешественники опомниться, как из лесу, стреляя из револьверов в воздух, к ним поскакали три всадника, повидимому, военные.

Кони летели карьером. Из-под копыт у них дымом клубилась пыль. За всадниками сейчас же показались пешие солдаты, с обнаженными шашками бегущие тоже к аэроплану.

Ни Сидоренко, ни ребята ничего не понимали. На мгновение им показалось, что это какой-то нелепый сон, кошмар, видение, результат тех страхов, которые они только-что пережили. Но кавалеристы уже подлетели к аэроплану и угрожающе соскочили с седел.

— Кто вы такие? Ваши документы!— накинлись они на Сидоренку, как на самого старшего.

Сидоренко, плохо понимавший по-английски, от неожиданности не мог произнести ни слова. Он с недоумением оглядывался на своих юных спутников. Ребята, измявшие и испачкавшие глиной и илом свои костюмы за последние дни, имели очень подозрительный вид полуоборванцев, полубродяг.

— Кто вам позволил летать над артиллерийским полигоном?— насккивал старший из кавалеристов, очевидно, офицер.

— Над полигоном?— пожал плечами Сидоренко.

И, с недоумением оглянув кавалеристов, сказал по-французски:

— Мы летели над океаном, над лесами и горами вашей страны. Но над полигоном...

— Что вы притворяетесь наивным простаком?— вскипел офицер.— Точно вы и в самом деле не знаете, что это полигон и что сегодня

наш корпус производит учебную стрельбу. Шпионить прилетели?

— Что вы сказали?

— Я вас спрашиваю, кто вы такие?

Сидоренко быстрым взглядом обвел своих спутников и решил идти напрямик.

— Русские.

— Рус-ски-е? Большевики?..— попятился офицер, точно стоявшие перед ним люди вдруг превратились в тигров или леопардов.

Микола неопределенно чмыкнул носом.

— Мы направляемся в советское полпредство,— объяснял Сидоренко,— чтобы ехать дальше к себе на родину.

— Взять их!— крикнул офицер подбежавшим солдатам.

— Позвольте...— запротестовал Сидоренко.

— Взять!— нетерпеливо топнул ногою офицер.

Солдаты с шашками наголо окружили путешественников.

— Это неслыханно! Понимаете, чудовищно!..— возмущался Сидоренко.— Везде и всюду в мире летчикам, потерпевшим крушение или снизившимся из-за поломки, оказывается содействие, им помогают, а вы арестовываете! Прошу немедленно дать знать о ваших подвигах в советское полпредство.

Но офицер уже не обращал на арестованных никакого внимания.

— Сейчас же отправляйтесь в город и сдайте этих непрошенных летунов в штаб корпуса!— распорядился он солдатам.

— А аппарат? Кто за него будет отвечать?— запальчиво повысил голос Сидоренко.

— Не беспокойтесь. Общем и тоже отправим в штаб корпуса.

— Вот так Мексика!— тряхнул головой Нездыймишапка.

— Лешева сторонущка, что и говорить!— крикнул Антошка.

— Страна, как страна,— поправил Сидоренко.— Офицерский наскок еще ничего не доказывает. Только бы до полпредства добраться. А этому ретивому молодчику за его дурацкую прыткость влетит.

Солдаты сначала были настроены очень сурово. Но, присмотревшись к неунывающим путешественникам, пробовавшим даже шутить с ними, они обмякли, стали добрее и проще.

До столицы оказалось совсем недалеко — около шести километров.

— Чуть-чуть не долетели... — вздохнул Микола.

— Всего каких-нибудь три фунта бензину, и были бы сейчас на аэродроме. Встретили бы нас с музыкой, торжественно... — улыбнулся Сидоренко.

— А теперь, пожалуй, в тюрьму отправят.

— Очень просто.

Скоро показался город. В штабе к арестованным отнеслись недоверчиво, но гораздо внимательнее и вежливее, чем на полигоне.

— Позвоните, пожалуйста, в советское полпредство, и вам все станет ясно, — предложил Сидоренко, когда увидел, что к его объяснениям относятся очень скептически.

По распоряжению начальника штаба, дежурный адъютант тут же позвонил. Из полпредства что-то коротко ответили, и на этот неизвестный ответ адъютант с легким, незаметным для самого себя поклоном ответил в трубку:

— Прекрасно. Мы вас ждем.

Через пятнадцать минут в штаб приехал секретарь полпредства. Сидоренко и ребята обрадовались ему, как родному брату. Один перед другим они наперебой стали рассказывать историю своих неожиданных скитаний. Антошка Жуков и Нездыймишапка показали выданные Авиахимом документы, которые после памятного приключения с Антошкой в самом начале путешествия Шварц выдал им на руки.

Секретарь полпредства тщательно осмотрел документы, проверил печати и штампы и, улыбнувшись, похлопал Антошку по плечу:

— Ну и накуралесили же вы, судари мои!

Потом обратился к летчику и стал подробно расспрашивать его о всех превратностях жизни, выпавших ему на долю с девятьсот четырнадцатого года. Выслушав рассказ Сидоренка, секретарь повернулся к начальнику штаба и очень сурово и хмуро заговорил с ним. Тот изумленно вскидывал на летчика глаза и в недоумении

разводил руками. Очевидно, грубость обращения на артиллерийском полигоне была ему крайне неприятна. В конце концов начальник штаба, галантно расшаркиваясь, вынужден был попросить извинения за происшедшее неприятное недоразумение и уверил секретаря, что виновные получают строжайший выговор, аэроплан же немедленно будет доставлен в советский гараж.

— Ну, товарищи, едем теперь в полпредство, — сказал секретарь.

И путешественники, еще час тому назад входившие в штаб, как арестованные, вышли теперь оттуда с независимым видом вольных людей, с достоинством и превосходством поглядывающих вокруг. Правда, их оборванные костюмы были жутковаты, но это не мешало испытывать чувство счастья и освобождения.

„Ловко отделались!“ — подумал Микола.

В полпредстве путешественников встретили с теплотой и приветливостью. Сейчас же было дано распоряжение купить им новую одежду, необходимую для дальнейшего путешествия. Затем на коротком совещании было решено, что ребята вместе с летчиком Сидоренком отправятся на пароходе через Гватемалу, Гонконг и Шанхай во Владивосток, а оттуда экспрессом через Сибирь в Москву, — и таким образом, объехав вокруг света, вернутся на родину. Полпредство заказало билеты и выдало на дорогу соответствующую сумму денег.

На следующий день утром Нездыймишапка, Антошка и Микола во главе с летчиком поднялись на огромный, прибывший в порт, английский океанский пароход „Джейгентик“. На пароход долго грузились всевозможные товары, над палубой гремели цепи подъемных лебедок, у бортов сустились матросы, как муравьи сновали смугло-желтые косоглазые китайцы — полуголые, потные грузчики из трюма. Потом бархатной густой октавой трижды взревела в небо широчайшая труба, и пароход, содрогаясь крепким сердцем машины, плавно вышел в океан.

— Ну, наконец-то попали мы на настоящий путь! — облегченно вздохнул Нездыймишапка. — А то путались чорт знает по каким дебрям.

— Зато теперь дело в шляпе. Дорога, как стрела, — уверенно вскинул голову Микола. — Плыви, посвистывай, и никаких гвоздей.

— Смотри, не просвистись.

— А чего?

— Да как свистуны просвистываются. Опять не вляпаться бы.

— Ну-у, теперь мы ученые! На аэроплане больше не полетим.

— Я думаю, — подмигнул Антошка.

— Налегались досыта.

На пароходе было много народу. Мексиканские купцы в белых, тщательно разглаженных костюмах, с золотыми перстнями на толстых пальцах, ехали в Гонконг и Шанхай, английские коммиво-

яжеры, важные и высокомерные, как сановники — в Японию. Они помещались на верхней нарядной палубе, среди многочисленной публики. Некоторые из пассажиров гуляли вдоль бортов, некоторые сидели, развалившись в лонгшезах.

Вскоре по выходе в океан внимание ребят привлекла странная фигура в японском халате, с видом хозяина прошедшая по палубе. Оказалось, что это капитан. Лицо его было красно, глаза дымно возбуждены.

— Да он пьяный. Смотрите, смотрите... — зашептал Антошка.

— Назюзился, сердешный.

Надменно прищурившись, с кривой блуждающей усмешкой, капитан осмотрел публику и снова прошел к себе в каюту. Но вечером, когда он поднимался на капитанский мостик, на ночную вахту, его нельзя было узнать: одетый в белоснежные брюки и короткий двубортный синий мундир с ослепительным крахмальным воротничком и манжетами, он был похож на человека, отправляющегося на бал.

Однако, на следующий день утром Антошка видел капитана снова пьяным, снова в халате, около своей каюты. Он с кем-то разговаривал хриплым дурашливым баритоном. Сначала Антошка не понимал, к кому относились слова капитана. Но вот тот коротким гортанным голосом воскликнул наконец:

— Джон! Иси...

И из каюты легкими быстрыми прыжками выскочил большой породистый понтер, меднокрасного цвета.

— Джон, Джон!... — шагнул к нему капитан. Дальше шли непонятные, неуловимые английские слова, при чем после каждого из них понтер выделял какие-нибудь замысловатые фокусы.

Вдруг капитан резко, приказательно свистнул. И сейчас же, как из-под земли, вырос желтолицый бой, китаец-слуга.

Капитан кинул ему какое-то слово. Бой мгновенно метнулся и через минуту в дорогой фарфоровой тарелке принес собаке супу на завтрак. Ставя тарелку на пол, он слегка отстранил кинувшегося к нему понтера. Прикосновение боя к собаке привело капитана в непонятное бешенство. Он наотмашь ударил китайца кулаком по лицу. Тот дико мотнул головой, схватился за щеку и, как неслышная тень, прынул в сторону. На губах у него показалась кровь.

Сердце Антошки переполнилось ненавистью к капитану и жгучей жалостью к бою. Он побежал к летчику и рассказал ему о случившемся. Летчик, припоминая английские слова, расспросил матросов. Те с улыбкой рассказали, что капитан питок, каких мало, водку хлещет целыми днями напролет, и не рюмками, а стаканами, как воду из ковша.

— Собаку по имени вызывает, если она ему нужна, а китайца — обязательно свистом. Это же

специально собачий лакей. Кроме Джона он никому не прислуживает. А бьет его капитан ежедневно раз по пятнадцати. „Кого ж, говорит, и бить, если не этого желторожего? С китайцами самый лучший разговор — кулак!“

В темном трюме, куда спустились летчик и Антошка, они нашли измазанного кровью китайца. Щека его припухла, глаза были красны от скупых, беспомощных слез. Бой знал немного по-английски. Ломаным языком он рассказал, что у него в Нанкине жена работница на японской шелковой фабрике и пять человек детей, что за свою службу в качестве собачьего лакея у капитана он получает всего три доллара в месяц и столько же, приблизительно, получает жена на фабрике.

Антошка быстро сунул руку в карман, достал кошелек и протянул несчастному бою несколько серебряных монет. Китаец с благодарностью кланялся, растроганно, кротко и очень мягко. Потом в течение целого дня Антошка горячими гневными глазами следил за капитаном, следил неотрывно и зло, как за своим личным врагом, которому решил отомстить во что бы то ни стало.

— Ты что задумал? — спросил Микола, увидев недобрый блеск во взглядах своего друга.

— Чорта пьяного хочу укоротить.

— Капитана?

Антошка еле заметно кивнул головой, и тонкие брови его хмуро сдвинулись.

— Антоша... Друг!.. Не делай ничего.

— А как же?

— Пропадем ведь! Подумай: кругом вода, ни убежать, ни скрыться, — пучина во все стороны.

— Но если он человека из-за собаки по чем зря бьет? Собаке барская жизнь, а человечья доля хуже самой паршивой собачьей!

— Все равно мы одни ничего не изменим. С этим не так надо бороться.

Микола с подкупающей дружеской теплотой и убедительностью начал всячески отговаривать Антошку от необдуманного, рискованного поступка. Антошка постепенно затих и замолк.

Путь через океан был утомителен и долог. Первое время ребят очаровывали изумительные восходы и закаты солнца, когда и небо и вода на необозримое пространство загорались тысячами непостижимых красок и огней. Но скоро эти пустынные, величественные огни уже не волновали, не вызывали того необыкновенного чувства восхищения, как вначале. Бесперывный плеск волн и неумолкающий шум моря о закованные в броню борта парохода порождали тягучее однообразие. Хотелось простой, твердой, неподвижной земли, людей, деревьев, растений, домов, спокойного земного уюта.

И когда однажды утром на восходе солнца показался город Гонконг, ликование ребят не было пределов. После остановки парохода они сейчас же сошли на берег. Летчик, как знающий

самые необходимые английские слова и хорошо владеющий французским языком, был проводником. Микола, Антошка и Нездыймишапка с любопытством смотрели на яркую пестроту восточного города, на бронзово-темных индусов, стройных и молчаливых, на богатых китайцев в желтых и синих шелковых костюмах, на переливающееся движение и цветистую многокрасочность шумных базаров. День в Гонконге прошел, как ослепительно разнообразный сеанс в кинематографе.

Потом снова было море, снова плеск рассекаемых боками парохода волн — и крепкое, мощное гудение машин внизу, под палубами.

— Ну, завтра будем в Шанхае, хлопцы, — сказал за обедом летчик.

— В Шанхае? — вдруг встрепенулся Антошка и положил вилку. — Неужели в Шанхае?

— А ты чего обрадовался? — удивился летчик.

— Да у меня там...

— Что? Концессии, или фабрики? — рассмеялся Нездыймишапка. — Сознаться, брат Антошка, не увиливай, — может, ты, чего доброго, капиталист? А?

— Нет, — серьезно ответил Антошка. — Там у меня знакомый китаец есть: Ли-Чан.

И рассказал о зимнем случае у себя, в селе Ярушине, где он заступился за Ли-Чана. Потом порылся в боковом кармане и вытащил оттуда бережно сложенный листок бумаги, на котором стояли какие-то непонятные китайские каракули.

Летчик покрутил листок в разные стороны и ничего не понял.

— Не при нас писано... — по деревенски пошутил он.

— Неужели в самом деле по этим трем словам любой шанхайский рабочий может указать, где найти Ли-Чана? — заинтересовался Микола.

— А вот увидим.

— Любопытно, — улыбнулся Нездймишапка.

Когда на следующий день „Джейгентик“ вошел в огромную гавань Шанхая, ребята удивились совершенно неожиданной величине этого города. Многоэтажные каменные дома тянулись по берегу на целые версты. Десятки всяческих пароходов стояли на рейде, между пароходами сновали сотни лодок. Некоторые из лодок были очень большого размера, со странными парусами, сделанными не из полотна, а из деревянных досечек. Такие лодки, как узнал летчик, назывались сампанами.

По особому волнению в порту можно было понять, что в городе случилось что-то необычайное. Из отрывочных разговоров, которые удалось уловить на верхней палубе, стало ясно, что генерал Чай-Кай-Ши, один из видных военачальников национальной армии, произвел контр-революционный переворот, и что на улицах произошли жесточайшие казни рабочих и коммунистов. Публика с „Джейгента“ воздерживалась схо-

дить на берег, но Антошка, Микола, Нездыймишапка и Сидоренко решили спуститься.

Город вблизи представлял собою вооруженный лагерь. Всюду стояли сторожевые пикеты. Не доходя до солдат, Антошка показал одному из портовых рабочих записку Ли-Чана. Рабочий взглянул, очевидно, сейчас же прочел — и вдруг нахмурился. Он с подозрительностью оглядел остановившихся перед ним иностранцев, потом попятился и побежал без оглядки прочь.

— Что за чертовщина? — с недоумением пожал плечами Антошка.

— А ну дай другому, — загорячился Микола.

Через несколько минут дали записку молодому худощавому китайцу, быстро шедшему по улице. Тот сверкнул из узкого косого разреза глухой чернотой своих глаз и переспросил по-английски:

— Комитет партии Гоминдан?

— Ты понимаешь!.. — дернул Антошку за плечо летчик, переводя по-русски эти слова.

— Ловко! Как это мы раньше не догадались?..

— Да, да, — закивал летчик китайцу. — Именно, Гоминдан. Нам нужен Ли-Чан, Ли-Чан.

Китаец отрицательно покачал головой, потом что-то затараторил на непонятном полуанглийском смешанном говоре, из которого летчик понял только одно: в городе тревожно, и комитет партии Гоминдан в опасности.

Антошка несмело взял китайца за рукав и, укаывая на записку, просительно произнес:

— Ли-Чан... — Секунду помолчал, подумал и добавил с надеждой, что его поймут. — Нужно! Он мне друг. Очень нужно...

Китаец, не поворачивая головы, едва заметно скосил глаза сначала в одну сторону, потом в другую, наконец, быстро сделав бровями неуловимый знак, многозначительно приподнял указательный палец правой руки, показывая этим, что необходимо соблюдать молчание и крайнюю осторожность, и решительно повернул в гущу города.

Итти было жутко. Всюду стояли группы вооруженных чанкайшистских солдат, которые задерживали тех, кто казался им подозрительным, и сейчас же отправляли куда-то под зловещим конвоем. Особенно стало страшно, когда вышли на главную улицу города — Нанкин-род. Там на углу солдаты держали двух связанных китайских рабочих. В нескольких шагах от них валялся обезглавленный труп, и вся мостовая вокруг него была забрызгана свежей, еще не засохшей кровью: это палачи Чан-Кай-Ши казнили кого-то по подобию в принадлежности к коммунизму.

Сердце Антошки упало, ему стало невыносимо душно и страшно, точно он попал в зверинец, где все клетки были открыты, и исполненные ярости звери хищно вырвались в проходы для посетителей.

— Ребята, назад! — пересекшимся от невыносимого смутения голосом остановил Сидоренко. Он побледнел и посерел, как полотно.

Но было уже поздно. Со середины улицы к ним быстро бежали четыре черных от загара солдата. Увидев это, китаец, который вел в Гоминдан, вильнул в сторону, как тень, как рыба в мутную глубь водяных просторов,—и мгновенно затерялся, исчез в толпе.

Солдаты подскочили и окружили летчика и Нездыймишапку. Они что-то кричали, свирепоскаля желтые крупные зубы, и тыкали пальцами в грудь задержанных.

Летчик пробовал показать им заграничные паспорта, но они на них почти и не взглянули, знаками приказали повернуться направо и повели с Нанкин-род в какую-то боковую улицу.

Летчик был ошеломлен и потрясен. Он сердито взглянул на Антошку:

— Дернула нас нелегкая самим влезть в пасть к этим контр-революционерам!

Хуже всего было то, что солдаты вели куда-то далеко от центра города, на глухую окраину, по необычайно грязным и мрачным переулкам. Наконец, они остановились у низкого каменного дома и, посоветовавшись между собой, ввели путешественников во двор. Двор был узкий, тесный, заваленный мусором. В задней его стороне, примыкавшей к густо застроенным ветхим складам, тяжелыми кирпичными боками таращился какой-то дикий сарай. Солдаты втолкнули туда арестованных, заложили дверь толстым засовом и заперли на замок.

Потом слышны были их удалявшиеся шаги и довольный, хвастливый разговор.

— Что же это?— растерянно заметался Микола, и в голосе его зазвенели слезы.

Летчик нервно кусал себе губы и волновался больше всех, потому что, как взрослый, острее всех понимал весь ужас грозившей опасности.

Антошка бессильно опустился на землю и окаменело застыл, чувствуя себя главным виновником нелепого происшествия.

Лишь Нездыймишапка казался несколько спокойнее других.

— Ребята,— зашептал он,— там, на улице, когда нас загоняли во двор, я видел на противоположной стороне того китайчугу, который хотел проводить нас в Гоминдан.

— Ну?..

— И вот мне показалось, будто он...

— Что?..

— Сделал какой-то знак...

— Кому? Солдатам?

— Нет, нам.

— Какой знак?

— Нельзя объяснить: произошло это неуволимо быстро. Но я понял так: „Не робейте. Мы вам поможем...“

— Чорта с два помогут,— безнадежно выдохнул летчик.— Чем они нам в этой крысоловке помогут?..

Никто ему не ответил. Мысли всех были спутаны и подавлены.

— А где у тебя эта злосчастная записка?— спросили Антошку.

— У китайца осталась...

Так в неизвестности и волнении прошло, вероятно, больше двух часов.

Вдруг в одном углу сарая, под старой трухлявой соломой, послышался шорох. Сначала робкий и нерешительный, шорох этот постепенно все увеличивался и возрастал.

— Мыши проклятые...— поежился брезгливо Микола.

— Не мыши, а крысы,— поправил Нездыймишапка.— Ишь, как орудуют. Их тут, наверно, сила.

— Дай-ка я их поленом каким-нибудь садану,— воинственно поднялся Микола, ища глазами, чем бы можно было швырнуть в сторону шума.

Но в этот момент совершенно неожиданно оттуда раздался торопливый, приглушенный шопот:

— Дыруг!.. Жуков!.. Син моя дыруг...

Антошка вздрогнул, вскочил, будто его внезапно ударила молния. Он кинулся в угол и ахнул: там из-под соломы, из узкой подкопанной под стеной норы выглядывала голова Ли-Чана.

— Скоро, дыруг! Иди... Беда!..

Через несколько секунд летчик, Нездыймишапка и Микола с лихорадочной поспешностью скрылись в норе вслед за Антошкой и китайцем.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Опасность была настолько велика и серьезна, страх перед произволом кровавого шанхайского генерала так глухо сжимал сердца, что беглецы ползли с ловкостью и быстротой изумительной. Они перестали чувствовать свои тела, боль царапин, ушибов, ссадин,—силы их были напряжены до последней степени и влекли вперед. Целый ряд полуразрушенных складочных помещений скоро остался позади. Через огороды, канавы, заборы, крохотные сады и дворики Ли-Чан привел Антошку и его спутников к небольшой белой фанзе на самом краю города. К величайшему своему изумлению, ребята увидели в фанзе того молодого решительного китайца, который несколько часов тому назад согласился вести их в городской комитет Гоминдана. Он приветливо улыбнулся им своими черными горячими глазами. Ли-Чан исковерканными полурусскими словами рассказал, что человек этот нашел его в Гоминдане, передал записку и сообщил об опасности, грозящей молодым путешественникам, вздумавшим в незнакомом городе разыскивать Ли-Чана.

Оставаться в Шанхае после всего этого было невозможно. Почти по всему городу шли повальные обыски, и можно было в любой момент снова попасть в беспощадные лапы кровавых приспешников Чан-Кай-Ши.

Но как выбраться из города и куда?

Пароход, на котором путешественники утром прибыли в порт, конечно, ушел дальше. Не мог же он стоять и ждать их возвращения... Сесть на другой пароход нечего было и думать, так как после бегства из-под ареста показаться на улице или в порту было бы безумием.

Ли-Чан долго совещался с молодым китайцем. Наконец, они остановились на каком-то одном определенном решении.

— Ты будешь умирал, — с улыбкой сказал Ли-Чан Антошке.

— То-есть как умирал? — не понял Антошка. — Я жить хочу.

— Ни савсем. — Нимножка умирал. И ты умирал, и ты умирал, и ты, — сообщил он по очереди Миколе, Нездыймишапке и Сидоренку.

— А если я не согласен? — недоверчиво вскинул голову Микола?

— Ни сагласен плохо — пухао. Нада сагласен.

Он вышел из фанзы и торопливо направился куда-то в город.

К вечеру Ли-Чан вернулся в сопровождении носильщиков, которые внесли во двор и составили у дверей фанзы четыре деревянных гроба.

— Ну, деньга есть, гроб есть, сампана тоже есть. Идем, дыруг, Владивосток.

Никто ничего не понял.

Тогда Ли-Чан, волнуясь, стал объяснять свой проект, единственно возможный, по его мнению, в создавшихся условиях. Проект заключался в следующем. Ни в одной стране так не почитается культ предков и вообще умерших, как в Китае. Несмотря на многолетние революционные войны и кровопролитную внутреннюю борьбу, трупы считаются священными, хоронить умерших разрешается всеми властями беспрепятственно. А так как умершие, по верованиям китайцев, должны быть похоронены по месту жительства своей семьи, то перевозка трупов в самых различных направлениях является обыденным делом, не возбуждающим никаких подозрений. Поэтому сейчас путешественникам лучше всего лечь в гробы и притвориться мертвыми. Носильщики донесут их до рейда, где уже готова сампана. А на сампане вполне свободно можно доплыть до Владивостока.

— Что ж, ребята, правильно. Выбора нет,—сказал летчик.

Ли-Чан и молодой китаец внесли гробы в фанзу. Путешественники улеглись в них. Сверху гробы накрыли неплотными крышками с отверстиями для воздуха. Потом вошли носильщики, и похоронная процессия тронулась в порт. Носильщики двигались с зажженными в руках разноцветными бумажными фонариками, народ на улицах почти-

тельно расступался, вооруженные пикеты с равнодушным любопытством поворачивались к процессии, как к печальному мирному зрелищу.

Покачиваясь в гробу, во тьме и в жаркой духоте тесной деревянной коробки, слыша вокруг, за стенками гроба, негромкий гул говора на чуждом, непостижимом языке, Антошка чувствовал себя, как в жуткой сказочной фантасмагории, которая неизвестно чем кончится. Шли очень долго, вероятно, не меньше часа. Когда к говору идущих стал примешиваться широкий плеск воды, мнимые покойники поняли, что их доставили в порт.

Погрузка гробов на сампану произошла очень быстро. Гробы составили в ряд и на протянутых веревках развесили около них разноцветные огни маленьких бумажных фонариков. Послышался скрип уключин, мерная работа весел, и сампана выплыла в океан.

Минут через пятнадцать, когда миновали все суда и лодки, стоявшие на рейде, Ли-Чан снял с гробов крышки.

— Ну, дыруг, кончал умирал. Живи опять, пожалуйста,—говорил он каждому, освобождая его из узкой смертной клетки.

На лице Ли-Чана, смутно освещенном фонариками, светилась счастливая добрая улыбка.

„Покойники“ вылезли, осмотрелись. Кругом стояла черная жаркая ночь, точно весь мир представлял собою одну сплошную тьму. Подобно распростертым твердым крыльям неведомой птицы,

вверху смутно виднелись высоко поставленные деревянные паруса сампаны. Огни фонариков вокруг гробов, уже снова заботливо закрытых крышками, были таинственно и загадочно прекрасны, точно сияние фантастических самоцветов.

Путешествие на сампане продолжалось пять дней. Когда на горизонте показывались встречные или обгоняющие пароходы, ребята снова залезали в гробы, чтобы на случай сторожевых и проверочных опросов Ли-Чан мог указать, что он везет мертвецов для погребения на родине.

Перерезав Желтое море в наиболее узкой его части, обогнув Корейский полуостров, на шестые сутки утром сампана плавно вошла во владивостокский порт.

— Спасибо, дорогой Ли-Чан, спасибо,—крепко жал руки китайцу Сидоренко. — Спас ты нас от беды неминуемой.

Антошка, Микола и Нездыймишапка на прощанье горячо обнимали своего друга.

— Никогда не забудем твоей помощи. Никогда! Ты нам, как брат теперь,—говорили они.

Ли-Чан был растроган и с мужественной теплотой похлопывал по плечу то одного, то другого.

Необыкновенно радостно было после множества всяческих испытаний снова почувствовать под ногами Советскую землю. Путешественники сейчас же отправились на вокзал и купили билеты в экспресс, отходивший вечером на Москву.

Сидя в вагоне, среди покоя, уюта и яркого электрического света, они чувствовали себя самыми счастливыми людьми в мире. Поезд нес их в родные места, домой, к чудесному радостному труду, который все народы на земле должны сделать братьями.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Глава I. Кому достался лотерейный билет	5
„ II. В глухом селе	13
„ III. Розыгрыш	23
„ IV. Путешествие начинается	34
„ V. Без руля	46
„ VI. Неожиданный союзник	61
„ VII. В тропическом лесу	70
„ VIII. Опять в воздухе. Аэроплан на лодках . . .	81
„ IX. Приключение на Ямайке	91
„ X. Новые опасности	101
„ XI. Возвращение	121

Прое. 227

90=

Цена 80 коп.

Р

Н

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:

Харьков, ул. Свободной Академии, 5. Тел. 10-07

Москва, Кузнецкий мост, 5/21, Тел.: 3-01-99 и 3-17-55

4640